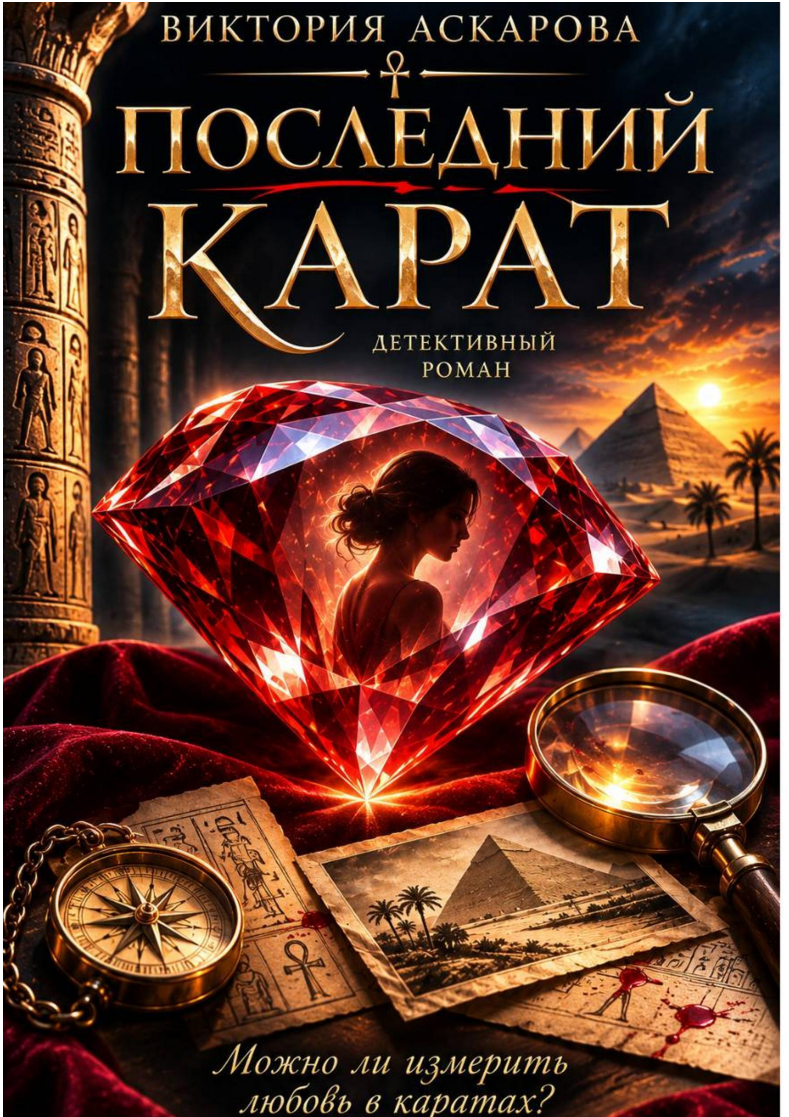
ВИКТОРИЯ АСКАРОВА
ПОСЛЕДНИЙ КАРАТ
ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН
Можно ли измерить любовь в каратах?

Виктория Аскарова
Последний карат

https://litres.ru/74984212
SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли измерить любовь в каратах? А человеческую жизнь?

Дрю Морган — талантливый ювелир, чья жизнь давно перестала напоминать сверкающий бриллиант. Долги, несбывшиеся мечты и потерянная любовь оставили ему немногое. Но однажды судьба предоставляет ему шанс изменить всё.

Тем временем Лили Беннет обнаруживает среди старых семейных документов странные записи, связанные с исчезновениями людей и загадочной экспедицией в Египет. Попытка разобраться в прошлом оборачивается угрозами, а каждый новый ответ рождает ещё больше вопросов.

Журналистка Ханна Миллер начинает собственное расследование, даже не подозревая, насколько опасной окажется правда.

Старинные тайны, предательство, любовь, жажда богатства и драгоценные камни, за блеском которых скрывается нечто чудовищное...

Но самое страшное открытие ждёт тех, кто решится узнать, какую цену на самом деле приходится платить за совершенство.

Содержание

Глава 1. Дом по соседству 6
ГЛАВА ВТОРАЯ 26
Чужие секреты 26
Глава 3 Следы прошлого 49
Глава 4. Цена молчания 70
Глава 5 88
Четвёртый снимок 88
Глава 6. Тени Египта 102
Глава седьмая 119
ЦЕНА ПРАВДЫ 119
Глава восьмая 148
ЧЁРНЫЙ КОНВЕРТ 148
Глава девятая 166
ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ 166
Конец ознакомительного фрагмента. 178

Виктория Аскарова
Последний карат

АСКАРОВА ВИКТОРИЯ

ПОСЛЕДНИЙ КАРАТ

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Дом по соседству
Глава 2. Чужие секреты
Глава 3. Следы прошлого
Глава 4. Цена молчания
Глава 5. Четвёртый снимок
Глава 6. Тени Египта
Глава 7. ЦЕНА ПРАВДЫ
Глава 8. ЧЁРНЫЙ КОНВЕРТ
Глава 9. ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
Глава 10. КРАСНЫЙ БРИЛЛИАНТ
Глава 11. ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ
Глава 12. ЗНАК НА ОБОРОТЕ
Глава 13. ТИШИНА В ДОМЕ
Глава 14. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ АМАНДЫ
Глава 15. ЧУЖОЙ ДОМ
Глава 16. НАСЛЕДИЕ МЁРТВЫХ
Глава 17. ЧУЖОЕ СОСТОЯНИЕ
Глава 18. НЕЗВАНЫЕ ГОСТИ
Глава 19. ЛЮДИ БЕЗ ЛИЦ

Глава 20. ТЕ, КТО НАБЛЮДАЕТ
Глава 21. ТРИ ДНЯ
Глава 22. МОГИЛА АМАНДЫ
Глава 23. ПЕРВЫЙ КАРАТ
Глава 24. НОЧНОЙ СВИДЕТЕЛЬ
Глава 25. ЦЕНА МОЛЧАНИЯ
Глава 26. ВТОРОЙ ЗАКАЗ
Глава 27. ГРАНЬ НЕВОЗВРАТА
Глава 28. ДРУГОЙ ЧЕЛОВЕК
Глава 29. ОСОБЫЙ ЗАКАЗ
Глава 30. ГОЛОСА ПОД КАМНЕМ
Глава 31. ГОЛОСА РАСПЛАТЫ
Глава 32. ПОСЛЕДНИЙ КАРАТ

Психологический детективный триллер

Глава первая
Дом по соседству

Глава 1. Дом по соседству

Дрю Морган никогда не понимал, зачем пожилым людям столько часов.

В доме Аманды Беннет их было не меньше двадцати. Настенные, настольные, с маятниками, с кукушками, с позолоченными стрелками. Одни спешили, другие отставали, третьи вообще не работали.

Но все они, по какой-то непонятной причине, нуждались в его помощи.

— Дрю, дорогой, ты опять неправильно поставил стрелку!

— Миссис Беннет, я поставил её туда, где ей положено быть.

— Тогда почему часы показывают половину третьего?

— Потому что сейчас половина третьего.

Аманда посмотрела на циферблат, затем на Дрю и недовольно поджала губы.

— А мне казалось, уже четыре.

— Боюсь, я не могу заставить время идти быстрее.

— Очень жаль. Из тебя вышел бы прекрасный часовщик.

— Я вообще-то ювелир.

— Да какая разница? И там и там возишься с маленькими железками.

Дрю рассмеялся.

Ему было тридцать девять лет, и последние двенадцать

из них он занимался изготовлением и ремонтом ювелирных украшений. Когда-то его считали одним из самых талантливых молодых мастеров города. Преподаватели прочили ему блестящее будущее, а один известный ювелир даже предлагал работу в своей мастерской.

Но Дрю отказался.

Он хотел создать собственное дело.

Теперь, спустя годы, он иногда вспоминал то предложение с сожалением.

Его маленькая мастерская на окраине города едва приносила доход. Арендодатель уже дважды предупреждал о задолженности. Заказов становилось всё меньше, а покупателей всё чаще интересовали дешёвые фабричные украшения.

Дрю умел создавать прекрасные вещи.

Проблема заключалась в том, что за них почти никто не хотел платить.

— Ты сегодня какой-то грустный, — заметила Аманда.

Она сидела в старом кресле у окна, укрыв колени клетчатым пледом.

— Просто устал.

— От чего? От моих часов?

— От ваших часов тоже.

— Неблагодарный мальчишка!

Аманда погрозила ему пальцем, но тут же улыбнулась.

Ей было восемьдесят два года. Невысокая, худенькая женщина с аккуратно уложенными седыми волосами и удиви-

тельно живыми голубыми глазами.

Она неизменно носила старомодные платья, застёгнутые почти до самого подбородка, и обожала броши.

Дрю никогда не видел на ней дорогих украшений. Обычно это были простенькие вещицы с потемневшими застёжками, которые она постоянно просила его починить.

Аманда жила в небольшом двухэтажном доме с покосившимся забором и старым яблоневым деревом посреди сада.

Дом нуждался в ремонте.

Краска на оконных рамах облупилась, ступеньки крыльца скрипели, а в дождливую погоду крыша протекала в двух местах.

Дрю не раз предлагал помочь с ремонтом.

Но Аманда неизменно отказывалась.

— Дом старый, я старая. Мы прекрасно понимаем друг друга.

И разговор на этом заканчивался.

* * *

— Ты останешься на обед? — спросила Аманда.

Дрю взглянул на часы.

— Мне нужно возвращаться в мастерскую.

— Значит, останешься.

— Вы вообще меня слушаете?

— Конечно. Именно поэтому и предлагаю поесть.

Она поднялась с кресла и направилась на кухню.

— К тому же сегодня приедет Лили.

Дрю улыбнулся.

— Ваша дочь?

— Нет, английская королева. Конечно, моя дочь!

— Тогда остаюсь.

— Ах вот как! Ради старухи ты остаться не можешь, а ради молодой

женщины сразу согласен!

— Миссис Беннет, вы совершенно невозможны.

— Зато ты предсказуем, дорогой.

Она исчезла на кухне.

Дрю покачал головой и вернулся к часам.

Лили Беннет он знал уже много лет.

Правда, виделись они нечасто.

Лили жила в городе, примерно в сорока минутах езды от материнского дома, работала художницей-иллюстратором и иногда преподавала живопись детям.

Ей было тридцать два.

Она обладала редким умением смеяться над собственными неудачами и находить что-нибудь хорошее даже в самых неприятных обстоятельствах.

В детстве Лили любила рисовать на всём, что попадалось под руку: на бумаге, стенах, старых газетах и даже на дверце холодильника.

Однажды она нарисовала портрет Дрю.

Он тогда был моложе, носил длинные волосы и считал себя чрезвычайно привлекательным.

На рисунке же получился худой человек с огромным носом, кривыми зубами и совершенно несчастным выражением лица.

Аманда повесила портрет над камином.

И не снимала почти десять лет.

* * *

Лили приехала около четырёх.

Сначала за окном послышался шум автомобиля, потом хлопнула дверца.

— Мама! — раздался звонкий голос с крыльца. — Ты дома?

— Нет! — крикнула Аманда из кухни. — Уехала на Багамы!

— Прекрасно! Тогда я забираю твою машину!

— Только сначала найди её!

Лили вошла в гостиную, держа в руках большой бумажный пакет.

На ней были светлые джинсы, длинный бежевый кардиган и кроссовки, испачканные краской. Каштановые волосы она небрежно собрала на затылке.

Увидев Дрю, девушка широко улыбнулась.

— Ну надо же! Сам великий ювелир Дрю Морган!

— А вот и знаменитая художница, чьи картины однажды будут

стоить миллионы.

— Уже стоят.

— Правда?

— Разумеется. Просто покупатели пока об этом не знают.

Они рассмеялись.

Лили поставила пакет на стол и обняла Дрю.

— Как ты?

— Богат, знаменит и невероятно счастлив.

— То есть всё по-прежнему?

— Именно.

Она внимательно посмотрела на него.

— Ты похудел.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— Тогда забираю благодарность обратно.

Из кухни выглянула Аманда.

— Лили, перестань приставать к Дрю. Он и без тебя плохо питается.

— А я что говорю!

— Господи, — простонал Дрю. — Теперь вас двое.

— И обе умнее тебя, — заметила Лили.

* * *

Обедали они на небольшой веранде, выходившей в сад.

Аманда приготовила курицу с картофелем, овощной салат и свой знаменитый яблочный пирог.

Дрю терпеть не мог этот пирог.

Он был слишком сухим, слишком сладким и обладал странным привкусом корицы, которой хозяйка явно не жа-

лела.

Но каждый раз съедал по два куска.

Аманда считала его единственным человеком, способным по-настоящему оценить её кулинарный талант.

— Ну как? — спросила она, когда Дрю взял первую вилку.

— Восхитительно.

Лили отвернулась, пряча улыбку.

— Правда?

— Миссис Беннет, если однажды вы откроете кондитерскую, весь

город будет ваш.

— Видишь, Лили! А ты говоришь, что я плохо пеку!

— Мама, я никогда такого не говорила.

— Говорила!

— Я сказала, что твой пирог можно использовать вместо строительного материала.

Дрю поперхнулся чаем.

Аманда возмущённо всплеснула руками.

— Вот вырастишь собственных детей, тогда и будешь смеяться!

— Обязательно, мама.

На мгновение улыбка исчезла с лица Лили.

Дрю заметил это, но ничего не сказал.

Аманда тем временем принялась рассказывать о соседке с другого конца улицы, которая купила себе новую собаку.

— Огромная! — возмущалась старушка. — С телёнка

размером!

— Мам, это лабрадор.

— Какая разница, кто его родители? Собака всё равно огромная!

Снова раздался смех.

За окнами медленно опускалось солнце.

Старое яблоневое дерево покачивало ветвями, где-то неподалёку чирикали воробьи.

В такие минуты Дрю особенно остро чувствовал, как не хватает ему собственного дома, полного голосов и смеха.

В его доме всегда было тихо.

Слишком тихо.

* * *

— А как поживает Молли? — неожиданно спросила Лили.

Дрю перестал улыбаться.

— Понятия не имею.

— Вы совсем не общаетесь?

— Нет.

— Даже не переписываетесь?

— Лили.

— Что?

— Давай сменим тему.

Она вздохнула.

— Ты невозможный человек.

— Мне сегодня это уже говорили.

— И совершенно справедливо.

Молли Сью.

Имя, которое Дрю старался не произносить вслух.

Когда-то они собирались пожениться.

Молли была красивой, умной, решительной женщиной, которая верила в него даже тогда, когда он сам начинал сомневаться.

Она поддерживала его мечту открыть собственный ювелирный дом, помогала оформлять документы, составляла бизнес-планы и часами слушала рассказы об огранке камней.

Поначалу всё шло хорошо.

Потом появились первые долги.

Затем второй кредит.

Третий.

Дрю всё чаще задерживался в мастерской, становился раздражительным, отказывался от встреч с друзьями.

Молли пыталась поговорить.

Он обещал, что скоро всё изменится.

Но ничего не менялось.

В конце концов она ушла.

Без скандалов, без разбитой посуды и громких обвинений.

Просто однажды собрала вещи.

— Я люблю тебя, Дрю, — сказала она тогда. — Но мне кажется, ты

больше не замечаешь, что я существую.

Он не нашёл, что ответить.

Прошло уже почти три года.

Но иногда, проходя мимо ювелирных витрин, Дрю всё ещё ловил себя на мысли, что выбирает украшение для Молли.

— Она хорошая девушка, — тихо произнесла Аманда.

— Я знаю.

— И очень тебя любила.

— Знаю, Аманда.

Старушка посмотрела на него поверх очков.

— Иногда знать недостаточно, дорогой.

Дрю отложил вилку.

— Можно мне ещё пирога?

Лили рассмеялась.

— Невероятно! Ты готов съесть третий кусок, лишь бы не разговаривать о чувствах!

— Четвёртый, — поправил Дрю.

* * *

После обеда Лили попросила его помочь вынести из автомобиля несколько картин.

— Я готовлю небольшую выставку, — объяснила она. — Хочу

кое-что показать маме.

Они вышли во двор.

Из багажника Лили достала три холста, завёрнутых в плотную бумагу.

— Только осторожнее. Краска ещё не везде высохла.

— Ты мне доверяешь? Я работаю с бриллиантами.

— Именно поэтому и переживаю. Уронишь картину — скажешь, что
она недостаточно дорогая.

Дрю подхватил самый большой холст.

— А что на них?

— Люди.

— Очень неожиданно для художницы.

— Не обычные портреты. Я пытаюсь нарисовать человека так,
чтобы было видно не только его лицо, но и характер.

— Как это?

— Например, один и тот же человек может выглядеть счастливым
на фотографии и совершенно несчастным в жизни.

Дрю задумался.

— По-моему, это довольно сложно.

— Конечно. Иначе все были бы художниками.

Они внесли картины в дом.

На первом холсте была изображена молодая женщина, стоящая у окна.

На втором — пожилой мужчина с добрыми глазами.

Третий Лили поставила лицом к стене.

— А этот? — спросил Дрю.

— Пока не готов.

— Дай посмотреть.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я сказала нет.

— Исчерпывающее объяснение.

Лили улыбнулась, но почти сразу отвела взгляд.

Дрю заметил, что её пальцы испачканы тёмной краской. На запястье виднелась тонкая красная полоска, похожая на царапину.

— Поцарапалась?

Она посмотрела на руку.

— А, это? Ерунда.

— Кошка?

— Почти.

— У тебя ведь нет кошки.

— Дрю, ты сегодня подозрительно любопытен.

— Профессиональная привычка.

— Ювелиры теперь расследуют царапины?

— Только самые загадочные.

Лили рассмеялась и накрыла третий холст тканью.

— Пойдём лучше пить кофе.

* * *

К вечеру небо затянуло тучами.

Аманда задремала в кресле, а Дрю с Лили остались на веранде.

Дождь тихо постукивал по крыше.

— Скажи, Дрю, — неожиданно спросила Лили, — ты когда-нибудь

жалел о каком-нибудь своём решении?

— Постоянно.

— Правда?

— Сегодня, например, я пожалел, что съел четыре куска пирога

твоей матери.

Лили улыбнулась.

— Я серьёзно.

Он посмотрел на неё.

— Что случилось?

— Ничего.

— Лили.

— Просто иногда мне кажется, что люди слишком поздно понимают, какую ошибку совершили.

Дрю откинулся на спинку стула.

— Это точно. Я вот до сих пор вспоминаю, как отказался от хорошей

работы ради собственной мастерской.

— Но ты же любишь свою профессию.

— Люблю. Только домовладелец почему-то не соглашается

принимать любовь вместо арендной платы.

Лили тихо засмеялась.

Потом снова стала серьёзной.

— А если ты узнаешь о человеке что-то очень плохое? Что-то такое,

после чего уже не сможешь относиться к нему по-прежнему?

Дрю пожал плечами.

— Смотря что именно.

— А если этот человек тебе дорог?

Он задумался.

— Тогда, наверное, сначала попытался бы понять, почему он так

поступил.

Лили посмотрела на него с неожиданной благодарностью.

— Ты хороший человек, Дрю.

Он усмехнулся.

— Сегодня вы с матерью решили окончательно меня смутить.

— Нет, я правда так думаю.

Дрю хотел ответить какой-нибудь шуткой, но в этот момент у Лили зазвонил телефон.

Она взглянула на экран.

Улыбка исчезла.

— Извини. Мне нужно ответить.

Девушка поднялась и вышла в сад.

Дрю остался на веранде.

Через стеклянную дверь он видел, как Лили разговаривает по телефону возле яблони.

Сначала она стояла спокойно.

Потом начала быстро ходить взад-вперёд.

Один раз резко покачала головой.
Дрю не слышал слов.
Наконец Лили закончила разговор.
Когда она вернулась, её лицо было бледным.
— Всё нормально? — спросил он.
— Да.
— Уверена?
— Конечно. Просто рабочие неприятности.
Она взяла со стола чашку, хотя кофе давно остыл.
— Мне, наверное, пора.
— Ты же собиралась остаться до завтра?
— Планы изменились.
— Лили, если что-то случилось...
— Дрю, пожалуйста.
Он замолчал.
Она опустила глаза.
— Прости. Я не хотела грубить.
— Ничего страшного.
Лили попыталась улыбнуться.
— Передай маме, что я позвоню завтра.
— Передам.
Она обняла его.
На этот раз крепче, чем обычно.
— Береги себя, хорошо?
— Обязательно.
— И не забывай иногда отдыхать.

— Ты говоришь совсем как твоя мать.

— Надеюсь, это комплимент.

— Один из лучших.

Лили села в машину.

Дрю стоял у крыльца, пока автомобиль не скрылся за поворотом.

Только потом он заметил, что дождь усилился.

* * *

Аманда проснулась около восьми.

— Лили уже уехала?

— Да. Просила передать, что завтра позвонит.

Старушка недовольно покачала головой.

— Вечно эта девочка куда-то спешит.

— У неё работа.

— У всех работа. Но это не повод забывать о матери.

Дрю улыбнулся.

— Не думаю, что Лили о вас забывает.

Аманда посмотрела на него.

— Нет, конечно. Она у меня замечательная.

Её лицо смягчилось.

— Единственное, что у меня есть.

Дрю хотел возразить, напомнить о соседях, знакомых, о себе самом, но передумал.

Он знал, как сильно Аманда любит дочь.

На каминной полке стояли фотографии Лили в разном возрасте.

Лили в школьной форме.

Лили с дипломом.

Лили на фоне моря.

Лили в день своей первой выставки.

И почти на каждом снимке рядом с ней была Аманда.

— Вам нужно отдохнуть, — сказал Дрю.

— Опять командуешь?

— Исключительно из заботы.

— Тогда будь добр, принеси мне очки.

— Они у вас на голове.

Аманда потрогала волосы.

— Ах да.

Она смущённо засмеялась.

— Старость, дорогой. Совершенно отвратительное изобретение

природы.

* * *

Домой Дрю вернулся поздно.

Дрю снимал старый одноэтажный дом напротив дома Аманды. Скрипучие половицы, старая мебель и окно, выходившее на тихую улицу, давно стали привычной частью его жизни.

На кухонном столе лежала стопка неоплаченных счетов.

Дрю посмотрел на них и тяжело вздохнул.

Сверху лежало письмо от арендодателя мастерской.

Он вскрыл конверт, хотя прекрасно понимал, что там на-

писано.

«Уважаемый господин Морган! В случае непогашения задолженности в течение четырнадцати дней мы будем вынуждены расторгнуть договор аренды...»

Дрю смял письмо.

— Прекрасно.

Он бросил его в мусорную корзину, достал из холодильника бутылку воды и подошёл к окну.

На улице по-прежнему шёл дождь.

В отражении стекла он увидел своё лицо.

Тридцать девять лет.

Ни семьи, ни детей, ни собственного дома.

Мастерская, которую он мог потерять через две недели.

Дрю вспомнил слова Лили.

«Ты когда-нибудь жалел о каком-нибудь своём решении?»

Он усмехнулся.

Если бы ему предложили прожить жизнь заново, он, пожалуй, изменил бы слишком многое.

И прежде всего не позволил бы Молли уйти.

Он достал телефон.

Открыл список контактов.

Имя Молли Сью всё ещё находилось там.

Дрю несколько секунд смотрел на экран.

Потом заблокировал телефон и положил его на стол.

— Может быть, завтра, — пробормотал он.

Но он прекрасно знал, что завтра снова найдёт причину

не звонить.

* * *

На другом конце города Лили Беннет сидела в своей квартире перед незаконченной картиной.

Телефон лежал рядом.

За последний час он звонил трижды.

Лили не отвечала.

На столе стояла чашка нетронутого чая. Рядом лежали разбросанные карандаши, несколько фотографий и небольшой блокнот.

Она открыла его и перечитала запись, сделанную несколькими днями ранее.

Потом взяла ручку и написала под ней ещё одно предложение.

Некоторое время девушка неподвижно смотрела на страницу.

Затем вырвала лист, сложила вчетверо и убрала в конверт.

На конверте она написала:

«Дрю Моргану».

Лили долго держала его в руках.

Наконец спрятала в ящик стола.

За окном прогремел гром.

Телефон снова ожил.

На экране высветился незнакомый номер.

Лили закрыла глаза.

На этот раз она ответила.

— Я же сказала, что мне нужно время.

Она выслушала собеседника.

— Нет. Я ничего ей не рассказала.

Снова молчание.

Лили побледнела.

— Пожалуйста, не трогайте мою мать.

Ответа Дрю, разумеется, не слышал.

Он уже спал в съёмном доме, не подозревая, что Лили Беннет обращалась за помощью именно к нему.

И что письмо, которое она так и не решилась отправить, однажды станет частью гораздо более страшной истории.

ПОСЛЕДНИЙ КАРАТ

Психологический детективный триллер

ГЛАВА ВТОРАЯ

Чужие секреты

АСКАРОВА ВИКТОРИЯ

Лили Беннет проснулась от того, что кто-то настойчиво звонил в дверь.

Она открыла один глаз.

Потом второй.

На прикроватных часах было 8:43.

— Только не это...

Она резко села в кровати.

В девять у неё начиналось занятие с детьми в художественной студии. До студии нужно было ехать не меньше двадцати минут, а Лили до сих пор лежала под одеялом.

Звонок повторился.

— Иду! — крикнула она.

Накинув халат, девушка побежала в прихожую, едва не споткнувшись о собственные тапочки.

За дверью стояла Ханна Миллер.

В одной руке она держала два бумажных стаканчика с кофе, в другой — пакет с круассанами.

— Доброе утро, спящая красавица!

— Ханна, ты с ума сошла?

— Не исключено. Но пока это никак не отражается на моей работе.

Ханна бесцеремонно прошла в квартиру.

— Ты ещё спишь? А я-то думала, художники встают с рассветом, чтобы ловить вдохновение!

— Я ловила его до трёх ночи. Оно сопротивлялось.

— Судя по твоему лицу, вдохновение победило.

Лили закрыла дверь.

— Почему ты не позвонила?

— Звонила. Четыре раза.

— И?

— И решила проверить, жива ли моя лучшая подруга.

Ханна поставила кофе на кухонный стол и огляделась.

На подоконнике стояли горшки с цветами. Возле окна — большой мольберт. По всей комнате были разложены карандаши, кисти, тюбики краски и листы бумаги.

— Лили, у тебя здесь когда-нибудь бывает порядок?

— Конечно.

— Когда?

— Когда я уезжаю.

— Тогда понятно, почему я его никогда не видела.

Лили потянулась за кофе.

Ханна внимательно посмотрела на подругу.

— Ты плохо выглядишь.

— Спасибо. Дрю вчера тоже был очень любезен.

— Виделась с Дрю?

— У мамы. Он опять чинил её часы.

— Бедный мужчина.

— Не говори. Мама считает его одновременно ювелиром, часовщиком, сантехником и личным психологом.

Ханна рассмеялась.

— А сам он всё ещё один?

— Насколько мне известно.

— И всё ещё страдает по своей Молли?

Лили пожала плечами.

— Он не любит об этом говорить.

— Мужчины вообще удивительные создания. Могут десять лет помнить, как им отказали в любви, но забывают, где оставили ключи пять минут назад.

— Ханна, ты тоже постоянно теряешь ключи.

— Именно поэтому я никого не осуждаю.

Лили улыбнулась.

И впервые за утро почувствовала себя немного лучше.

* * *

Ханна Миллер работала журналисткой в городской газете.

Ей было тридцать три года. Она носила короткие тёмные волосы, предпочитала удобные брюки дорогим платьям и обладала совершенно невыносимой привычкой задавать вопросы, на которые люди не собирались отвечать.

В редакции Ханну называли ходячей катастрофой.

Однажды ради материала о незаконном строительстве она притворилась покупательницей квартиры и провела целый

день в офисе застройщика, записывая обещания менеджера.

В другой раз проникла на закрытую благотворительную вечеринку, представившись помощницей организатора.

Её начальник регулярно грозился уволить её.

Но неизменно отправлял на самые сложные задания.

С Лили они дружили со школьных лет.

Ханна знала о ней почти всё.

По крайней мере, до недавнего времени ей так казалось.

— Кстати, — сказала она, разворачивая круассан, — ты вчера звонила мне около одиннадцати?

Лили замерла.

— Да.

— Я была на интервью. Увидела только утром. Что-то случилось?

— Нет. Хотела спросить кое-что.

— Что именно?

Лили помедлила.

— Ты ведь умеешь искать информацию о людях?

Ханна подняла брови.

— Лили, дорогая, я журналист. Конечно, умею.

— А если человек жил очень давно?

— Насколько давно? Во времена динозавров?

— Лет сорок назад.

— Тогда значительно проще. Если он не динозавр, конечно.

Лили не улыбнулась.

Ханна отложила круассан.

— Так. Что происходит?

— Ничего особенного.

— Ты уже второй раз говоришь «ничего». Обычно после третьего выясняется, что случилось нечто ужасное.

— Я просто нашла несколько старых документов.

— Где?

— У мамы.

Ханна нахмурилась.

— И что в них?

— Фамилии. Даты. Какие-то записи.

— Какие записи?

Лили посмотрела на часы.

— Господи! Мне нужно ехать!

— Лили!

— Правда, я опаздываю. Давай вечером поговорим.

Она схватила сумку и направилась в спальню.

Ханна пошла следом.

— Ты не можешь сказать журналисту, что нашла таинственные документы сорокалетней давности, а потом просто уйти на работу!

— Могу. Смотри.

Лили закрыла перед ней дверь.

Из-за двери послышалось:

— И не трогай мои круассаны!

Ханна посмотрела на оставшийся в пакете круассан.

— Поздно, дорогая.

* * *

Художественная студия располагалась на втором этаже небольшого здания напротив городского парка.

Каждое утро здесь пахло красками, бумагой и свежезаваренным кофе, который преподаватели постоянно забывали допить.

Лили любила это место.

Она приходила сюда даже в те дни, когда занятия отменяли. Здесь никто не спрашивал, сколько стоят её картины и когда она наконец начнёт зарабатывать настоящие деньги.

Дети просто рисовали.

Кто-то — прекрасные пейзажи.

Кто-то — кошек с шестью лапами.

А один мальчик по имени Томас однажды изобразил собственную бабушку в виде огромного зелёного дракона.

Когда Лили спросила почему, мальчик совершенно серьёзно ответил:

— Потому что она тоже умеет дышать огнём, когда я не убираю игрушки.

Сегодня дети рисовали свои мечты.

— А можно нарисовать миллион долларов? — спросил восьмилетний Майкл.

— Конечно.

— А если я их нарисую, они станут настоящими?

— Боюсь, нет.

Майкл задумался.

— Тогда нарисую собаку.

— Почему?

— Потому что мама хотя бы собаку может купить.

Лили рассмеялась.

Она переходила от одного стола к другому, помогала смешивать краски, поправляла кисти, хвалила удачные рисунки.

И почти забыла о событиях предыдущего вечера.

Почти.

Во время перерыва она достала телефон.

На экране было новое сообщение.

Номер неизвестен.

«Вы не ответили на наш вопрос, мисс Беннет».

Лили почувствовала, как пересохло во рту.

Она быстро набрала ответ:

«Я ничего вам не должна».

Сообщение было прочитано почти мгновенно.

Ответ пришёл через несколько секунд.

«Вы ошибаетесь».

Лили посмотрела в окно.

На противоположной стороне улицы стоял тёмный автомобиль.

Она не могла разглядеть водителя.

Возможно, машина находилась там и раньше.

Возможно, она просто начинала видеть опасность во всём.

Телефон снова завибрировал.

«Не заставляйте нас разговаривать с вашей матерью».

Лили встала так резко, что опрокинула стакан с водой.

— Мисс Беннет? — раздался детский голос.

Она обернулась.

Рядом стоял Томас с рисунком в руках.

— Вы заболели?

Лили заставила себя улыбнуться.

— Нет, милый. Просто немного устала.

Мальчик протянул ей рисунок.

На нём была изображена женщина с огромными разноцветными крыльями.

— Это вы.

— Я?

— Да. Вы говорили, что художники могут придумывать всё, что захотят. Вот я придумал, что вы умеете летать.

Лили присела перед ним.

— Очень красиво, Томас.

— Можете забрать.

Она осторожно взяла рисунок.

— Спасибо.

— Только не улетайте совсем. А то кто нас будет учить?

Лили обняла мальчика.

— Не улечу.

Но, произнеся это, вдруг почувствовала, что обещает то, в чём сама уже не уверена.

* * *

В обед Ханна снова позвонила.

— Я освободилась. Что за документы?

— Ты никогда не сдаёшься?

— Это мой единственный талант.

Лили вышла на улицу.

— Ханна, мне нужно кое-что проверить. Но я пока сама не понимаю, что именно нашла.

— Отлично. Это уже начало расследования.

— Никакого расследования нет!

— Конечно. Просто документы, странные фамилии и моя подруга, которая говорит шёпотом.

Лили оглянулась.

— Ты можешь найти старую газетную публикацию?

— Какую?

— Я не знаю точной даты. Возможно, конец восьмидесятых или начало девяностых.

— О чём публикация?

Лили помедлила.

— О пропавшем человеке.

Ханна перестала шутить.

— Как его звали?

Лили открыла сумку и достала небольшой блокнот.

На странице была записана фамилия.

Эдмунд Крейн.

— Эдмунд Крейн, — произнесла она. — Возможно, он

занимался коллекционированием драгоценностей.

— И как он связан с твоей матерью?

Лили молчала.

— Лили?

— Я не знаю.

Это была не совсем правда.

Среди бумаг Аманды она нашла старую фотографию мужчины лет пятидесяти.

На обороте стояла дата.

А рядом — несколько цифр, написанных тонким чёрным пером.

Имя Эдмунда Крейна упоминалось и в другой записи.

Но там рядом с ним стояло одно слово:

«Получено».

Лили не понимала, что именно получила её мать.

И почему рядом была указана сумма, которой хватило бы на покупку большого дома.

— Я посмотрю, — сказала Ханна. — Но пообещай мне кое-что.

— Что?

— Никаких самостоятельных приключений.

Лили попыталась улыбнуться.

— Ты же знаешь, я совершенно не умею попадать в неприятности.

— Вот именно поэтому я и волнуюсь.

* * *

После работы Лили отправилась к матери.

Она не собиралась приезжать без предупреждения, но после утренних сообщений ей захотелось убедиться, что с Амандой всё в порядке.

Дом встретил её привычным запахом яблок и старого дерева.

На кухне что-то шипело.

— Мам?

— Здесь я!

Аманда стояла возле плиты, помешивая суп.

На ней было голубое платье в мелкий цветочек и старый передник с надписью «Лучшая хозяйка».

Этот передник Лили подарила ей на Рождество много лет назад.

— Ты чего так рано? — удивилась Аманда.

— Соскучилась.

— Вчера виделись.

— Уже успела соскучиться снова.

Старушка довольно улыбнулась.

— Вот это правильное воспитание!

Лили поцеловала мать в щёку.

— Как ты себя чувствуешь?

— Превосходно. Если не считать спины, коленей, давления и соседской собаки.

— Что опять сделала собака?

— Смотрела на меня.

— Мам!

— Очень подозрительно смотрела.

Лили рассмеялась.

Аманда поставила перед ней тарелку супа.

— Ешь.

— Я не голодна.

— Значит, будешь есть без аппетита.

Лили села за стол.

Несколько минут они разговаривали о пустяках.

Аманда рассказывала о том, как Дрю починил её часы, о новых жильцах соседнего дома и о том, что в магазине снова подорожало сливочное масло.

Лили слушала.

И пыталась найти подходящий момент для разговора.

Наконец она отложила ложку.

— Мам, можно тебя кое о чём спросить?

— Конечно, дорогая.

— Ты когда-нибудь занималась ювелирным делом?

Ложка в руке Аманды остановилась.

Всего на мгновение.

Потом она продолжила помешивать суп.

— С чего вдруг такой вопрос?

— Просто интересно.

— Я похожа на ювелира?

— Не знаю. Ювелиры ведь выглядят как обычные люди.

— Тогда спроси у Дрю.

— Я спрашиваю тебя.

Аманда поставила кастрюлю на плиту.

— Лили, что ты хочешь узнать?

Девушка внимательно посмотрела на мать.

— Я нашла некоторые старые документы.

В кухне стало тихо.

За окном послышался шум проезжавшего автомобиля.

— Какие документы? — спросила Аманда.

— В маленьком шкафу возле лестницы.

— Ты разбирала мои вещи?

В голосе старушки впервые прозвучало раздражение.

Лили удивилась.

— Мам, ты сама попросила меня найти старые фотографии для альбома.

Аманда отвела взгляд.

— Ах да. Совсем забыла.

— Там были какие-то записи. И фотографии незнакомых людей.

— Старые знакомые.

— А кто такой Эдмунд Крейн?

Аманда побледнела.

Теперь Лили не могла этого не заметить.

— Мама?

— Где ты услышала это имя?

— Оно было написано на фотографии.

— Покажи.

— Я не взяла её с собой.

Аманда медленно опустилась на стул.

— Ты никому не рассказывала об этом?

Лили почувствовала, как тревога снова поднимается внутри.

— Нет.

Она не стала говорить о разговоре с Ханной.

— Почему ты спрашиваешь?

Аманда долго молчала.

Потом взяла дочь за руку.

Её пальцы были холодными.

— Лили, пообещай мне, что больше не будешь трогать эти бумаги.

— Но почему?

— Просто пообещай.

— Мам, ты меня пугаешь.

Глаза Аманды наполнились слезами.

— Я не хочу, чтобы ты совершала мои ошибки.

Лили растерянно посмотрела на неё.

— Какие ошибки?

Аманда отпустила её руку.

— Неважно.

— Нет, важно! Кто такой Эдмунд Крейн? Почему ты так испугалась?

— Я сказала, неважно!

Лили замолчала.

За всю жизнь она редко слышала, чтобы мать повышала голос.

Аманда поднялась и подошла к окну.

Несколько минут обе молчали.

Наконец старушка тихо произнесла:

— Прости, дорогая.

Лили встала.

— Мам, если у тебя неприятности, ты можешь мне рассказать.

Аманда покачала головой.

— Некоторые неприятности невозможно исправить.

— Но можно хотя бы попытаться.

Старушка повернулась.

Её лицо вдруг показалось Лили невероятно старым.

— Именно это я когда-то и думала.

* * *

Когда Лили уехала, Аманда ещё долго стояла у окна.

Она смотрела, как автомобиль дочери исчезает за поворотом.

Затем медленно поднялась на второй этаж.

В конце коридора находилась маленькая комната, которую Лили с детства называла кладовкой.

Дверь всегда была заперта.

Аманда достала из кармана ключ.

Открыла замок.

За дверью оказалось узкое помещение без окон.

Здесь стояли шкафы, старый письменный стол и несколько деревянных ящиков.

Аманда подошла к столу.

Открыла нижний ящик.

Внутри лежала тонкая папка с пожелтевшими страницами.

На обложке было написано:

ЭДМУНД КРЕЙН

Старушка провела пальцем по буквам.

Затем раскрыла папку.

Внутри находилась фотография мужчины, которого Лили видела среди старых документов.

Под ней — дата.

И ещё одна запись, сделанная много лет назад.

Аманда прочитала её.

Потом закрыла папку и прижала к груди.

— Господи, — прошептала она. — Только не Лили.

* * *

Тем временем Дрю Морган проводил очередной вечер в мастерской.

Перед ним лежало старинное кольцо с повреждённой оправой.

Работа требовала терпения, которого сегодня почти не осталось.

Утром арендодатель снова напомнил о долге.

Днём заказчик отказался забирать готовое украшение, за-

явив, что передумал.

А вечером сломалась кофемашина.

Последнее Дрю воспринял особенно болезненно.

— Вот и всё, — сказал он, глядя на аппарат. — Предательство там, где меньше всего ждёшь.

Он уже собирался закрывать мастерскую, когда над дверью звякнул колокольчик.

На пороге стояла Молли Сью.

Дрю замер.

Три года он представлял себе эту встречу.

Думал, что скажет.

Как улыбнётся.

Может быть, даже пошутит.

Но теперь смог произнести только:

— Молли?

Она улыбнулась.

— Привет, Дрю.

На ней было тёмно-зелёное пальто, волосы свободно лежали на плечах.

Она почти не изменилась.

И это почему-то показалось ему самым несправедливым.

— Я... — начал он и замолчал.

Молли оглядела мастерскую.

— Всё по-прежнему.

— Не совсем. Кофемашина умерла сегодня утром.

Она рассмеялась.

Знакомый смех.

Дрю вдруг почувствовал, как сжалось сердце.

— Ты всё такой же.

— Боюсь, это не всегда хорошо.

Молли подошла к прилавку.

— Мне нужно кое-что починить.

Она достала из сумки маленькую коробочку.

Дрю открыл её.

Внутри лежало серебряное кольцо.

Он сразу узнал его.

Простое, немного неровное, с маленьким голубым камнем.

Первое кольцо, которое он когда-то сделал для неё.

— Ты сохранила его?

Молли посмотрела на украшение.

— Конечно.

— Я думал, ты выбросила.

— Почему?

Дрю пожал плечами.

— Не знаю.

Она осторожно коснулась кольца.

— Сломалась застёжка на цепочке. Я носила его как кулон.

Дрю поднял глаза.

— Ты носила его?

— Иногда.

В мастерской повисла неловкая тишина.

Молли первой отвела взгляд.

— Сколько будет стоить ремонт?

— Нисколько.

— Дрю...

— Пожалуйста.

Она улыбнулась.

— Хорошо.

Он взял коробочку.

— Приходи завтра. Всё будет готово.

— Спасибо.

Молли направилась к выходу, но у двери остановилась.

— Дрю?

— Да?

— Может, выпьем как-нибудь кофе?

Он посмотрел на сломанную кофемашину.

— Только не здесь.

Молли рассмеялась.

— Договорились.

Когда дверь за ней закрылась, Дрю ещё несколько минут стоял неподвижно.

Потом достал кольцо из коробочки.

Повернул его к свету.

И впервые за долгое время улыбнулся совершенно искренне.

* * *

Поздно вечером Лили вернулась домой.

После разговора с матерью она чувствовала себя разбитой.

Ей хотелось позвонить Ханне и рассказать обо всём.

Но она решила сначала ещё раз просмотреть документы.

Лили сняла пальто, включила свет в гостиной и поставила сумку на диван.

Квартира выглядела как обычно.

Книги на полках.

Картины у стены.

Чашка, оставленная утром возле окна.

Она прошла в спальню и достала из ящика стола небольшой конверт.

Тот самый, который ночью подписала именем Дрю.

Внутри лежал сложенный лист бумаги.

Лили перечитала написанное.

Потом взяла ручку и добавила несколько строк.

Она уже собиралась убрать письмо обратно, когда услышала тихий звук.

Щелчок.

Лили подняла голову.

В квартире было совершенно тихо.

Она вышла в гостиную.

На первый взгляд ничего не изменилось.

Но через несколько секунд девушка заметила странность.

Одна из картин, стоявшая возле окна, была повёрнута ли-

цом к стене.

Лили нахмурилась.

Она совершенно точно помнила, что утром оставила её на мольберте.

Девушка медленно подошла ближе.

Повернула холст.

На картине был изображён старый дом с яблоней во дворе.

Дом её матери.

Лили долго смотрела на изображение.

Потом заметила, что на обратной стороне холста что-то написано.

Неровные буквы, выведенные чёрным маркером.

«ВЕРНИ ТО, ЧТО ТЕБЕ НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ».

Лили отступила на шаг.

В этот момент зазвонил телефон.

Она вздрогнула.

На экране высветился неизвестный номер.

Лили не ответила.

Звонок оборвался.

Через несколько секунд пришло сообщение.

«В следующий раз мы не ограничимся картиной».

Она медленно опустилась на диван.

Телефон дрожал в её руках.

Затем Лили открыла список контактов и нашла номер Ханны.

Подруга ответила почти сразу.

— Лили? Что случилось?

Девушка попыталась заговорить, но голос подвёл её.

— Ханна...

— Что?

— Кажется, кто-то был в моей квартире.

На другом конце линии воцарилась тишина.

— Ты сейчас одна?

Лили посмотрела на тёмный коридор.

— Надеюсь.

— Не трогай ничего. Я сейчас приеду. И позвони в полицию.

— Ханна, я...

— Лили, послушай меня внимательно. Закрой дверь и никому не открывай.

Связь оборвалась.

Лили осталась сидеть на диване.

И вдруг вспомнила разговор с матерью.

«Я не хочу, чтобы ты совершала мои ошибки».

Раньше эти слова казались ей странными.

Теперь они пугали.

Она посмотрела на картину.

На старый дом с яблоней.

Дом, в котором выросла.

Дом, где её всегда ждали.

И впервые в жизни Лили Беннет испугалась возвращаться к собственной матери.

Конец второй главы

ПОСЛЕДНИЙ КАРАТ

Глава 3 Следы прошлого

Аскарова Виктория

Ханна Миллер терпеть не могла три вещи: холодный кофе, бессмысленные совещания и людей, которые говорили «всё нормально», когда было совершенно очевидно, что ничего нормального не происходит.

Лили Беннет за последние сутки произнесла эту фразу по меньшей мере шесть раз.

Поэтому, когда подруга позвонила поздно вечером и сообщила, что в её квартире кто-то побывал, Ханна не стала задавать лишних вопросов.

Она схватила автомобильные ключи, надела пальто поверх домашней футболки и выбежала из квартиры.

Уже за рулём вспомнила, что на ногах у неё разные носки.

— Прекрасно, — пробормотала она. — Если меня остановит полиция, будет что обсудить.

Дорога заняла пятнадцать минут.

За это время Ханна успела дважды позвонить Лили и один раз поссориться с водителем, который решил, что красный сигнал светофора существует исключительно для украшения улицы.

У дома подруги стояла полицейская машина.

Ханна припарковалась рядом и поспешила к подъезду.

Лили сидела на диване, обхватив руками чашку чая.

Напротив неё расположился полицейский средних лет с аккуратно подстриженными усами. Второй осматривал прихожую.

— Вы уверены, что запирали дверь? — спросил первый.

— Да.

— Окна?

— Тоже.

— Может быть, кто-то из знакомых имеет ключ?

Лили покачала головой.

— Только моя мать.

— Она могла приходить?

— Нет.

В этот момент дверь распахнулась.

— Лили!

Ханна влетела в гостиную, едва не столкнувшись с полицейским.

— Господи, ты цела?

— Да, Ханна.

— А где этот негодяй?

Полицейский поднял глаза.

— Какой именно?

— Который вломился в квартиру!

— Мы пока не установили, было ли проникновение.

Ханна повернулась к нему.

— Простите, а надписи на картинах теперь появляются сами собой?

Полицейский тяжело вздохнул.

— Мисс...

— Миллер. Ханна Миллер. Журналист.

— Я заметил.

— По чему?

— По количеству вопросов.

Лили невольно улыбнулась.

Ханна села рядом и обняла подругу за плечи.

— Расскажи мне всё.

Осмотр квартиры не выявил очевидных следов взлома.

Ничего ценного не пропало. Украшения, деньги, ноутбук — всё осталось на своих местах.

Единственным доказательством чужого присутствия была надпись на обратной стороне картины.

Полицейские сфотографировали холст и записали показания Лили.

— У вас есть предположения, кто мог это сделать? — спросил один из них.

Лили замялась.

Ханна внимательно посмотрела на неё.

— Лили?

— Нет, — наконец ответила девушка. — Не знаю.

Ханна нахмурилась.

Она слишком хорошо знала подругу, чтобы не заметить ложь.

После ухода полицейских Ханна закрыла дверь на оба

замка.

Проверила окна.

Затем вернулась в гостиную.

— А теперь рассказывай.

— Что?

— Всё, что не сказала полиции.

Лили отвела взгляд.

— Ханна...

— Нет. Даже не пытайся. Я знаю тебя с двенадцати лет. Ты точно так же смотрела в сторону, когда разбила школьное окно и пыталась убедить директора, что виноват голубь.

— Это действительно был голубь.

— Голуби не бросают кирпичи.

Лили слабо улыбнулась.

Но улыбка быстро исчезла.

— Мне угрожают.

Ханна перестала шутить.

— Кто?

— Я не знаю.

— Давно?

— Несколько дней.

Лили достала телефон и показала сообщения.

Ханна читала молча.

С каждой строчкой её лицо становилось всё серьёзнее.

— И ты не рассказала об этом полиции?

— Я испугалась.

— Чего?

Лили посмотрела на неё.

— Что они доберутся до мамы.

Некоторое время подруги сидели молча.

Дождь за окном усиливался.

Ханна первой нарушила тишину.

— Начнём с самого начала. Что ты нашла в доме Аманды?

Лили поднялась и принесла папку.

— Вот.

Внутри лежали несколько фотографий и копии старых записей, которые девушка успела сделать на телефон.

Ханна осторожно разложила их на столе.

На одной фотографии был изображён мужчина примерно пятидесяти лет.

Строгий костюм, тонкие губы, густые тёмные волосы.

На обороте стояло имя:

Эдмунд Крейн.

— Это тот человек, о котором ты спрашивала сегодня? — уточнила Ханна.

— Да.

— Ты уверена, что твоя мать его знала?

— Фотография лежала среди её документов.

— Это ещё ничего не доказывает.

— Посмотри на следующее.

Лили протянула ей снимок страницы из старой записной книжки.

Ханна увеличила изображение.

Рядом с фамилией Крейна стояла дата и сумма.

— Двести сорок тысяч? — удивилась она.

— Именно.

— За что?

— Понятия не имею.

— Может, твоя мать когда-то занималась бизнесом?

Лили покачала головой.

— Мама всю жизнь говорила, что после исчезновения отца жила на его сбережения.

— И ты ей верила?

— Конечно.

Ханна посмотрела на фотографию мужчины.

— А ты никогда не интересовалась, чем именно занимался твой отец?

— Он был историком. Исследовал древние цивилизации. Часто ездил в экспедиции.

— И пропал во время одной из них?

— Да. Мне тогда было совсем мало лет.

Лили опустила глаза.

— Я почти его не помню.

Ханна не стала расспрашивать дальше.

Она знала, что тема отца всегда была болезненной для подруги.

— Хорошо, — сказала она. — Завтра я попробую найти информацию о Крейне.

— Ты уже обещала.

— Теперь у меня появилась дополнительная мотивация.

— Какая?

Ханна указала на картину с угрожающей надписью.

— Терпеть не могу, когда кто-то портит чужое искусство.

Ночевать Лили одной Ханна не позволила.

Они расположились в гостиной.

Ханна заняла диван, Лили устроилась в кресле с пледом.

Около полуночи они заказали пиццу.

— В такие моменты понимаешь, насколько полезны современные технологии, — заметила Ханна, открывая коробку.

— Ты о доставке?

— Конечно. Представь, если бы нам пришлось самостоятельно охотиться на пиццу.

— Ханна, ты совершенно ненормальная.

— Зато сытая.

Лили рассмеялась.

На какое-то время тревога отступила.

Они вспоминали школу, учителей, первую поездку к морю, неудачные свидания.

Ханна рассказала о новом редакторе, который потребовал сократить статью о городских расходах до трёхсот слов.

— Триста! — возмущалась она. — У меня только возмущение занимает двести пятьдесят!

— Ты когда-нибудь научишься писать коротко?

— Конечно. Когда люди перестанут делать глупости.

Подруги снова рассмеялись.

Но ближе к часу ночи разговор постепенно затих.

Ханна уже дремала, когда Лили неожиданно спросила:

— Как думаешь, человек может всю жизнь притворяться другим?

Ханна открыла глаза.

— В каком смысле?

— Быть добрым, заботливым... А на самом деле скрывать что-то ужасное.

— Может, наверное.

— Даже от собственной семьи?

Ханна повернулась к ней.

— Ты сейчас о своей матери?

Лили промолчала.

— Послушай, — мягко сказала Ханна, — Аманда замечательная женщина. Я знаю её почти столько же, сколько тебя.

— Я тоже так думала.

— Что изменилось?

Лили долго смотрела на чашку в руках.

— Когда я спросила её об Эдмунде Крейне, она испугалась.

— Может быть, это неприятное воспоминание.

— Она попросила меня никому ничего не рассказывать.

Ханна задумалась.

— Иногда люди скрывают не преступления, а собствен-

ные ошибки.

Лили подняла глаза.

— А если ошибка стоила кому-то жизни?

Ханна не ответила.

На следующее утро Дрю Морган обнаружил возле своей мастерской белый автомобиль.

Машина стояла прямо напротив входа, занимая место, где обычно парковались посетители.

Дрю обошёл её и постучал в окно.

Стекло опустилось.

За рулём сидел мужчина в дорогом сером костюме.

— Доброе утро, — произнёс Дрю. — Вы ко мне?

— Вы господин Морган?

— Смотря кто спрашивает.

Мужчина улыбнулся.

— Мне рекомендовали вашу мастерскую.

— Тогда вам повезло. Я как раз собирался её открыть.

Он достал ключи.

— Подождите, — остановил его незнакомец. — Меня интересуют драгоценные камни.

Дрю обернулся.

— Какие именно?

— Редкие.

— Насколько редкие?

— Исключительно редкие.

Дрю посмотрел на мужчину внимательнее.

— Боюсь, вы ошиблись адресом. Я занимаюсь преимущественно индивидуальными заказами и ремонтом украшений.

— Мне сказали, что у вас хороший глаз.

— Кто сказал?

Незнакомец не ответил.

Вместо этого достал визитную карточку.

На ней было написано:

АРТУР ВЕЙЛ Частные коллекции. Оценка драгоценностей.

— Если вам когда-нибудь попадётся действительно необычный камень, позвоните мне.

Дрю взял карточку.

— И что считать необычным?

Артур Вейл улыбнулся.

— Вы поймёте, когда увидите.

Стекло автомобиля поднялось.

Машина медленно отъехала от тротуара.

Дрю посмотрел на визитку.

— Странный тип.

Он убрал карточку в карман и вошёл в мастерскую.

Через пять минут уже забыл о незнакомце.

В конце концов, в ювелирном деле встречались люди и постраннее.

Около полудня пришла Молли.

На этот раз она была без пальто. На ней было светлое платье и тонкий серебряный браслет.

Дрю заметил браслет сразу.

Он сам изготовил его много лет назад.

— Привет, — сказала Молли.

— Привет.

— Моё кольцо готово?

— Конечно.

Дрю достал коробочку.

Молли открыла её.

Серебряное кольцо было тщательно отполировано. Голубой камень снова сиял, словно украшение только что изготовили.

— Как новое, — улыбнулась она.

— Почти.

Молли провела пальцем по ободку.

— Помнишь, как ты его делал?

— К сожалению.

— Почему к сожалению?

— Я потратил три дня, испортил две заготовки и едва не лишился пальца.

— Ты преувеличиваешь.

— Совсем немного.

Молли рассмеялась.

Потом посмотрела на него.

— А ты помнишь, что сказал, когда подарил его?

Дрю задумался.

— Что оно не подлежит возврату?

— Нет.

— Что гарантия заканчивается сразу после вручения?

— Дрю!

Он улыбнулся.

— Помню.

Молли ждала.

— Я сказал, что однажды заменю этот маленький камень настоящим бриллиантом.

Она кивнула.

— А я ответила, что мне не нужен бриллиант.

Они замолчали.

В мастерской тихо тикали часы.

Наконец Молли закрыла коробочку.

— Ты всё ещё работаешь один?

— Да.

— Тяжело?

— Бывает.

— А как дела с заказами?

Дрю пожал плечами.

— Могло быть лучше.

Молли огляделась.

На полках лежали старые каталоги. За стеклом витрины стояло всего несколько украшений.

Она знала эту мастерскую слишком хорошо.

Знала, сколько сил Дрю вложил в неё.

И сколько раз почти терял всё.

— Ты никогда не думал начать сначала? — спросила она.

— В каком смысле?

— Не обязательно закрывать мастерскую. Может, попробовать работать с кем-нибудь? Найти партнёра.

Дрю усмехнулся.

— Ты ведь знаешь, как я отношусь к партнёрам.

— Знаю.

Она немного помолчала.

— И всё-таки иногда помощь не означает поражение.

Дрю посмотрел на неё.

Ему захотелось сказать, что он давно понял это.

Что больше не хочет возвращаться в пустую квартиру.

Что вчера впервые за много лет уснул с мыслью о ней.

Но вместо этого произнёс:

— Может, выпьем кофе?

Молли улыбнулась.

— Я думала, ты никогда не предложишь.

В это время Ханна Миллер сидела в редакции перед компьютером.

На экране были открыты старые газетные архивы.

Она уже успела просмотреть несколько десятков публикаций.

Имя Эдмунда Крейна встречалось нечасто.

В одной заметке его называли коллекционером редких книг.

В другой — владельцем небольшой антикварной галереи.

Третья публикация оказалась гораздо интереснее.

Ханна придвинулась к монитору.

Статья была опубликована больше тридцати лет назад.

Заголовок гласил:

«Известный коллекционер исчез при загадочных обстоятельствах»

Ханна начала читать.

Эдмунд Крейн пропал после закрытого приёма, устроенного в собственном доме.

По словам родственников, он собирался встретиться с неизвестным покупателем, заинтересованным в приобретении нескольких редких предметов.

С тех пор его никто не видел.

Автомобиль коллекционера обнаружили на загородной дороге.

Следов борьбы не нашли.

Следствие рассматривало несколько версий, но ни одна не подтвердилась.

Ханна перечитала последние строки.

Затем открыла фотографию, присланную Лили.

Тот же человек.

Сомнений не оставалось.

Она потянулась к телефону.

Но прежде чем набрать номер подруги, заметила ещё одну фамилию в статье.

Среди гостей последнего приёма Крейна упоминался ис-

торик, специалист по древним культурам.

Ричард Беннет.

Ханна замерла.

Она вернулась к началу публикации.

Прочитала всё ещё раз.

Затем тихо произнесла:

— Вот это уже интересно.

Лили встретилась с Ханной в маленьком кафе возле редакции.

Она пришла раньше и сидела у окна, рассеянно помешивая давно остывший чай.

Ханна положила перед ней распечатку.

— Я кое-что нашла.

Лили начала читать.

С каждой строчкой её лицо становилось всё серьёзнее.

— Эдмунд Крейн пропал?

— Да.

— Тридцать с лишним лет назад?

— Именно.

— И мой отец был на том приёме?

Ханна кивнула.

Лили отложила лист.

— Но мама никогда об этом не рассказывала.

— Возможно, не считала нужным.

— Ханна, мой отец исчез примерно в те же годы.

— Я знаю.

Лили подняла глаза.

— Ты думаешь, между этими событиями есть связь?

— Пока я думаю только о том, что нам нужно больше информации.

Ханна отпила кофе.

— И ещё кое-что.

— Что?

— Я нашла старую фотографию Ричарда Беннета.

Она протянула телефон.

На экране был мужчина лет сорока.

Высокий, темноволосый, с уверенным взглядом.

Лили долго рассматривала его.

— Папа...

Её голос дрогнул.

Ханна осторожно коснулась руки подруги.

— Ты узнаёшь его?

— Конечно. У мамы есть фотографии.

Лили провела пальцем по экрану.

— Только на этой он выглядит совсем другим.

— Каким?

Девушка задумалась.

— Не знаю. Чужим.

Ханна ничего не ответила.

Лили вернула телефон.

— Я хочу разобраться, что случилось с ним.

— С твоим отцом?

— И с Крейном. И с теми документами.

Ханна посмотрела на неё.

— Тогда придётся поговорить с Амандой.

— Я уже пыталась.

— Попробуй ещё раз.

Лили покачала головой.

— Она не расскажет.

— Почему ты так думаешь?

Девушка некоторое время молчала.

Потом произнесла:

— Потому что она боится не за себя.

Вечером Аманда Беннет сидела в гостиной.

На коленях лежал старый фотоальбом.

Она медленно перелистывала страницы.

На одной фотографии маленькая Лили сидела на плечах Ричарда.

Девочка смеялась.

Ричард улыбался в объектив.

Аманда долго смотрела на снимок.

Когда-то она верила, что у них прекрасная семья.

Вспоминала, как ждала мужа вечерами, как готовила его любимые блюда, как радовалась каждому подарку из очередной поездки.

А потом узнала правду.

Не сразу.

Сначала одно случайное письмо.

Потом чужие духи на его рубашке.

Затем признание подруги, которая, плача, уверяла, что всё произошло лишь однажды.

Аманда тогда поверила.

Позднее выяснилось, что подруга солгала.

Как и многие другие.

Она закрыла альбом.

— Ах, Ричард, — тихо произнесла она. — Сколько же неприятностей ты оставил после себя.

На каминной полке стояла небольшая старинная брошь.

Аманда взяла её.

В центре украшения находился прозрачный камень холодного голубоватого оттенка.

Старушка долго смотрела на него.

Потом улыбнулась.

Не весело.

Скорее с какой-то давней, почти забытой удовлетворённостью.

— А ведь ты всегда любил красивые вещи.

Она вернула брошь на место.

В коридоре зазвонил телефон.

Аманда вздрогнула.

Звонок повторился.

Она подошла к аппарату.

— Алло?

На другом конце линии некоторое время молчали.

— Кто это?

Наконец раздался мужской голос.

— Добрый вечер, миссис Беннет.

Аманда крепче сжала трубку.

— Что вам нужно?

— Мы хотели убедиться, что вы получили наше сообщение.

— Не смейте больше звонить сюда.

— Боюсь, это зависит не только от нас.

Аманда почувствовала знакомый холод в груди.

— Оставьте мою дочь в покое.

Мужчина помолчал.

— Тогда убедите её перестать задавать вопросы.

— Она ничего не знает!

— В таком случае вам не о чем беспокоиться.

Связь оборвалась.

Аманда ещё долго стояла с трубкой в руке.

Потом медленно опустилась на стул.

На каминной полке улыбалась маленькая Лили.

Рядом с фотографией поблёскивала старинная брошь.

Аманда смотрела на эти два предмета, пока за окнами окончательно не стемнело.

Поздно ночью Ханна сидела дома за компьютером.

Она снова открыла газетную статью об исчезновении Эдмунда Крейна.

Что-то в ней не давало ей покоя.

Ханна перечитала текст.

Затем увеличила старую фотографию, опубликованную рядом с материалом.

На снимке были изображены несколько гостей закрытого приёма.

Эдмунд Крейн стоял возле камина.

Рядом с ним — Ричард Беннет.

Позади находились ещё трое мужчин и женщина.

Ханна внимательно рассмотрела её лицо.

Женщина была молодой, с тёмными волосами, собранными в высокую причёску.

Она стояла немного в стороне от остальных.

Ханна увеличила изображение ещё сильнее.

Потом открыла фотографию, которую Лили прислала из дома матери.

На ней Аманда Беннет была значительно моложе.

Ханна перевела взгляд с одного снимка на другой.

Сомнений не оставалось.

Аманда тоже присутствовала на последнем приёме Эдмунда Крейна.

Но самое странное было не это.

На старой газетной фотографии женщина держала в руках небольшую деревянную шкатулку.

На её крышке был вырезан ромб.

Ханна нахмурилась.

Она уже видела этот знак.

На одном из документов, найденных Лили.

Там он стоял рядом с единственным словом, написанным от руки:

«Образец».

Ханна откинулась на спинку кресла.

За окном медленно начинался дождь.

Она потянулась к телефону, чтобы позвонить Лили.

Но остановилась.

Впервые за всё время расследования журналистка почувствовала, что дело может оказаться гораздо серьёзнее старого семейного секрета.

Ханна снова посмотрела на фотографию.

Шесть человек.

Закрытый приём.

Исчезнувший коллекционер.

И странная шкатулка, которой почему-то придавали такое значение.

Она открыла блокнот и написала три имени:

Эдмунд Крейн. Ричард Беннет. Аманда Беннет.

Потом обвела их одним большим кругом.

— Ну что ж, — пробормотала она. — Посмотрим, что вы там прятали.

Конец третьей главы

ПОСЛЕДНИЙ КАРАТ

Глава 4. Цена молчания

Аскарова Виктория

— Ещё раз повторяю: мне нужны сведения о приёме у Эдмунда Крейна, — сказала она библиотекарю.

— Я услышала с первого раза, мисс Миллер. Здесь читальный зал.

— А я говорю почти беззвучно.

Женщина посмотрела поверх очков.

— Для вас — возможно.

Ханна вздохнула и взяла коробку с газетными подшивками. Ночью она почти не спала. Фотография Аманды Беннет на приёме у Крейна не выходила у неё из головы. Почему мать Лили скрыла знакомство с коллекционером? И что за шкатулку она держала в руках?

Она открыла очередную подшивку. На пожелтевшей странице обнаружилось крохотное объявление: «Аукцион редкостей. Коллекция Э. Крейна. Допуск по приглашениям».

Ниже был указан адрес галереи. Теперь там располагался магазин мебели.

Ханна переписала адрес и достала телефон.

— Лили, ты проснулась?

— Уже два часа как работаю.

— Какой ужас. Взрослая жизнь окончательно нас победила.

— Ты что-нибудь нашла?

— Ещё немного. Только сначала ответь: ты забрала из дома матери какую-нибудь вещь?

В трубке повисла пауза.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что кто-то требует её вернуть. А я не люблю расследовать угрозы, не зная, из-за чего они начались.

— Я взяла одну папку, — призналась Лили. — Хотела показать тебе, но потом испугалась.

— Где она?

— В студии. В шкафчике.

— Не трогай её. Я приеду после обеда.

— Ханна, мне кажется, нужно сначала поговорить с мамой.

— Поговорим. Но не по телефону.

Ханна закончила разговор и снова посмотрела на объявление. Внизу мелким шрифтом стояла фамилия организатора: Вейл.

Она подчеркнула её карандашом. Фамилия могла быть случайной. В старых документах случайностей встречалось предостаточно. Но она решила проверить.

Дрю Морган с самого утра пытался убедить себя, что встреча с Молли ничего не означает.

Они всего лишь выпили кофе. Поговорили о работе, о погоде, о её новом месте в реставрационной мастерской при музее. Молли смеялась над его шутками, а он, как обычно,

старательно изображал человека, у которого всё прекрасно.

Не получилось.

— Ты до сих пор скрываешь от всех, когда тебе плохо, — сказала она вчера, прежде чем они расстались.

— Профессиональная тайна ювелира.

— Нет, Дрю. Просто дурная привычка.

Сегодня утром он нашёл на столе конверт с требованием оплатить аренду. Срок истекал через девять дней.

Дрю положил письмо под пресс для бумаги, будто тяжёлый металлический предмет мог удержать вместе с листом и саму неприятность.

Зазвенел дверной колокольчик.

На пороге стояла Аманда Беннет. Её обычно аккуратные волосы растрепал ветер, а в руках она держала корзину с пирогом.

— Ешь, — распорядилась она вместо приветствия.

— Доброе утро и вам.

— Я знаю, как ты питаешься. Кофе да сухари.

— Неправда. Иногда ещё макароны.

Аманда поставила корзину на прилавок, но не улыбнулась.

Дрю сразу заметил перемену.

— Вы плохо себя чувствуете?

— Старость, дорогой. Она никого не спрашивает разрешения.

— Может, вызвать врача?

— Лучше почини мне часы. Они снова отстают.

Она достала из сумочки маленькие карманные часы с потёртой крышкой. Дрю открыл их и прислушался к механизму.

— Они идут. Просто нужно настроить.

— Значит, ты справишься.

Аманда оглядела полки мастерской. Её взгляд остановился на стеклянном футляре с кольцом, которое Дрю недавно вернул Молли.

— Встречался со своей девушкой?

— С бывшей девушкой.

— Как скажешь. Но ты улыбаешься, когда говоришь о ней.

Дрю покраснел.

— Вы пришли ради часов или ради допроса?

— В моём возрасте приходится совмещать приятное с полезным.

Она подошла к окну. На улице мальчик пытался удержать зонт, который ветер выворачивал наизнанку.

— Лили давно заходила к тебе? — спросила Аманда уже другим голосом.

— Позавчера. А что?

— Ничего. Просто она много работает.

— Вы ведь видитесь почти каждый день.

— Да. — Аманда помедлила. — Но иногда люди совсем рядом, а ты не знаешь, о чём они думают.

Дрю закрыл крышку часов.

— Может, вы просто спросите её?

— Я пробовала.

Он хотел пошутить, но увидел, что старушка смотрит не на него. Она сжимала ремешок сумочки так крепко, что побелели костяшки пальцев.

— Аманда, что-то случилось?

Она покачала головой.

— Пока нет.

Дрю запомнил эти два слова.

В художественной студии Лили никак не удавалось закончить портрет.

На холсте девушка стояла спиной к зрителю, перед открытой дверью. Лили уже трижды переписывала дверную ручку. Всякий раз казалось, что та расположена слишком высоко.

— Вы злитесь на дверь? — спросил Томас, заглянув в мастерскую после урока.

— Немного.

— Тогда нарисуйте другую.

— Хороший совет.

— Мама говорит, когда что-то не получается, надо начинать заново.

— У твоей мамы, похоже, больше мудрости, чем у всех художников вместе взятых.

Мальчик довольно улыбнулся и убежал.

Лили отложила кисть. Ей хотелось позвонить Дрю и от-

дать письмо, которое она написала ему той ночью. Но что сказать? «Привет, кажется, моя мать скрывает исчезновение незнакомого человека, а меня кто-то преследует»?

Она попыталась представить его лицо и невольно улыбнулась.

Затем телефон завибрировал.

Мама.

— Лили, дорогая, ты сегодня свободна вечером?

— Не знаю. Что-то случилось?

— Нет. Я приготовлю ужин. Приходи.

— Мам, мы ведь вчера виделись.

— Разве это причина не ужинать вместе?

Голос Аманды звучал почти весело. И всё же Лили почувствовала в нём напряжение.

— Хорошо. Приеду после семи.

— И не задерживайся нигде, пожалуйста.

— Мам...

— Я просто хочу, чтобы суп не остыл.

Лили положила телефон. Через минуту на экране появилось другое сообщение. Номер был неизвестен.

«Последнее предупреждение».

Она не ответила. Сфотографировала экран и отправила Ханне.

К назначенному часу Ханна приехала в студию. Лили заперла дверь, повесила на ручку табличку «Закрыто» и провела подругу к узкому шкафу в подсобке.

Оттуда она достала тёмно-зелёную папку.

— Вот.

На обложке не было никаких надписей. Внутри лежали копии договоров, списки дат, фотографии неизвестных людей и старый ключ на выцветшей ленте.

— Ключ тоже был здесь? — спросила Ханна.

— Да.

— Ты знаешь, от чего он?

— Нет.

Ханна рассматривала записи. Некоторые страницы были составлены аккуратно, почти бухгалтерским почерком. На других встречались только числа и короткие слова. Ни названий товаров, ни указаний места доставки.

— Если это счета, то кто-то очень старался не объяснять, за что платили, — заметила она.

Лили провела пальцем по строчке.

— Вот фамилия Крейна. А вот рядом ещё одна — Беннет.

— Ричард?

— Возможно. Подписи нет.

Ханна перелистнула лист и увидела маленький оттиск ромба.

Тот же знак, что на шкатулке со старой фотографии.

— Скажи, откуда именно ты взяла папку?

— Из шкафа возле лестницы. Он был незаперт.

— Странно, что твоя мать хранила всё это так открыто.

— Мама редко пользуется этим шкафом. По крайней ме-

ре,

я так думала.

— Мы не станем ничего забирать или искать в её доме без разговора, — сказала Ханна. — Сначала узнаем, что она готова рассказать сама.

— Ты веришь, что она расскажет?

— Нет, — честно призналась подруга. — Но хочу дать ей такую возможность.

В коридоре раздался шум.

Обе замолчали.

— Наверное, уборщица, — прошептала Лили.

Но студия была закрыта, а уборщица приходила по утрам.

Ханна бесшумно подошла к двери подсобки. За ней кто-то медленно прошёл вдоль коридора. Затем щёлкнул замок наружной двери.

Они вышли в пустую студию.

На полу возле входа лежал белый конверт.

Без адреса.

Ханна открыла его, взявшись за угол.

Внутри оказалась фотография старого дома Аманды. Снимок был сделан совсем недавно: у калитки стояла корзина с осенними цветами, которую Лили принесла матери на прошлой неделе.

На обороте было написано:

«Мы просили только одну вещь».

Лили закрыла рот ладонью.

— Они следят за мамой.

Ханна достала телефон.

— Теперь мы передадим полиции не только сообщения, но

и этот конверт.

— А если они сделают ей что-нибудь?

— Лили, они уже угрожают вам обеим. Молчание не делает вас безопаснее.

Лили посмотрела на зелёную папку. Её тянуло спрятать всё обратно, притвориться, что ничего не произошло, и поехать к матери на ужин, как прежде.

Но чужая фотография её дома лежала на столе.

Притворяться больше не получалось.

Аманда накрыла стол на двоих раньше обычного.

Она поставила любимые тарелки Лили, маленькую вазу с белыми цветами и салфетки, которые берегла для праздников.

Потом долго стояла у сервированного стола, не решаясь сесть.

В шкафчике над камином лежали старые письма Ричарда. Аманда не открывала их много лет. Сегодня почему-то достала одно.

«Моя дорогая Аманда...» — начиналось оно.

Дальше шли обещания, нежности и просьба потерпеть ещё немного до его возвращения.

Она вспомнила, как ждала этих писем. Как перечитывала

их по нескольку раз, пока Лили была маленькой. Как старалась верить даже тогда, когда уже знала, что он лжёт.

Аманда сложила лист и вернула в конверт.

На каминной полке стояла брошь с бледно-голубым камнем. Она взяла украшение, повертела между пальцами, затем убрала в деревянную коробку.

Из памяти неожиданно всплыл голос Ричарда: «Ты всё преувеличиваешь, дорогая».

— Нет, — произнесла Аманда вслух. — Не всё.

Телефон зазвонил ровно в половине седьмого.

Она вздрогнула и поспешила в прихожую.

— Лили?

— Добрый вечер, миссис Беннет, — ответил мужской голос.

Аманда застыла.

— Я ведь просила оставить нас в покое.

— И мы просили вас убедить дочь вернуть папку.

— Она ничего не понимает. Я заберу бумаги сама.

— Тогда сделайте это сегодня.

— Послушайте, ей ни к чему знать о старых делах. Она не имеет к ним отношения.

— Пока не имеет.

Аманда стиснула трубку.

— Если с ней что-то случится...

— Не произносите угроз, миссис Беннет. Вы ведь знаете, насколько они бесполезны.

Разговор оборвался.

Аманда медленно положила трубку. На столе остывал суп. Она взяла ключи от дома и вышла на крыльцо, словно могла одним взглядом убедиться, что улица безопасна.

Над соседними крышами поднимался дым. Где-то хлопала калитка. Из окна дома напротив доносился смех телевизионной публики.

Обычный вечер.

От этого ей стало ещё страшнее.

Дрю заканчивал работу, когда увидел Аманду у своей двери.

— Вы опять принесли пирог? — спросил он.

— Нет. На этот раз пришла попросить об услуге.

Он сразу отложил инструменты.

— Конечно.

— Если Лили придёт к тебе с вопросами обо мне, постарайся сначала позвонить мне.

Дрю нахмурился.

— Какими вопросами?

— О прошлом. О её отце. О людях, которых я когда-то знала.

— Аманда, вы меня пугаете.

Старушка опустилась на стул.

— Я старая женщина, Дрю. Иногда старики боятся вещей, которые молодым кажутся пустяками.

— Лили в опасности?

Она посмотрела на него. И впервые за долгие годы Дрю увидел в её глазах не раздражение, не усталость, а настоящий страх.

— Я не знаю, — тихо ответила Аманда.

Он подвинул к ней стакан воды.

— Тогда нужно поговорить с ней. И с полицией, если вам угрожают.

— Я поговорю, — сказала она. — Обещаю.

Дрю не поверил.

Но прежде чем он успел настоять, Аманда поднялась.

— Ты хороший человек. Спасибо, что всегда помогаешь нам.

— Это же вы помогали мне столько раз.

— Когда-нибудь ты поймёшь, что это было совсем немного.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего, дорогой. Наверное, я просто устала.

Он проводил её до калитки и смотрел вслед, пока знакомая согбенная фигура не исчезла за углом.

Через несколько минут Дрю достал телефон и набрал Лили.

— Привет. Твоя мать только что была у меня.

— Что она сказала?

— Попросила позвонить ей, если ты будешь расспрашивать о прошлом.

Лили не ответила.

— Лили, вы с ней поссорились?

— Нет. Просто у нас... сложный разговор.

— Если нужна помощь, скажи.

— Я знаю, Дрю.

Он хотел спросить, почему голос у неё такой напряжённый, но она заговорила первой:

— Можно я зайду завтра? Мне нужно показать тебе одну вещь.

— Конечно.

— Спасибо.

Дрю убрал телефон. Ему совсем не понравился этот разговор.

Вечером Лили всё-таки приехала к матери.

Аманда открыла дверь почти сразу, словно стояла за ней в ожидании.

— Девочка моя!

Она крепко обняла дочь.

— Мам, ты меня сейчас задушишь.

— Прости, дорогая.

Лили вошла в дом. На столе стоял праздничный сервиз.

— Мы кого-то ждём?

— Только тебя.

— Тогда почему всё так торжественно?

Аманда поправила салфетку.

— Разве обязательно ждать праздника, чтобы поужинать красиво?

Лили улыбнулась.

Они ели суп, вспоминали смешные семейные истории. Аманда рассказала, как в детстве Лили обрила плюшевого медведя ножницами, потому что хотела сделать ему модную стрижку.

— Это был эксперимент, — возразила Лили.

— Он так и не оправился от эксперимента.

— Зато выглядел современно.

Обе засмеялись.

На мгновение всё стало почти таким, как раньше.

Потом Лили достала из сумки зелёную папку и положила на край стола.

Аманда перестала улыбаться.

— Я хочу вернуть тебе это, — сказала Лили.

Старушка не притронулась к папке.

— Зачем ты вообще её взяла?

— Потому что хотела понять, кто был мой отец. И кто такой Эдмунд Крейн.

Аманда опустила глаза.

— Ричард был учёным. Не самым хорошим мужем, но талантливым человеком.

Лили удивилась. Мать никогда прежде не говорила об отце плохо.

— Почему ты называешь его плохим мужем?

— Потому что люди не бывают такими безупречными, какими мы их запоминаем.

— Он тебя обижал?

Аманда долго молчала.

— Дорогая, я не хочу, чтобы ты судила его по моим словам. То, что было между нами, закончилось много лет назад.

— Но я имею право знать правду.

— Имеешь, — ответила Аманда так тихо, что Лили едва расслышала. — Только не всю правду можно рассказать за один вечер.

Лили придвинула папку ближе.

— Кто-то угрожает мне из-за этих бумаг.

Аманда резко подняла голову.

— Что?

Лили рассказала о сообщениях, о человеке в квартире, о фотографии дома.

Старушка слушала, не перебивая.

Когда дочь закончила, Аманда прикрыла глаза.

— Господи... Почему ты не сказала раньше?

— Я боялась тебя расстроить.

— Расстроить? Лили, ты должна была сразу прийти ко мне!

— Я пришла. Но ты ничего не рассказывала.

Эти слова заставили Аманду замолчать.

Она потянулась к руке дочери.

— Послушай меня. Я совершала ошибки. Серьёзные. И за некоторые из них мне стыдно. Но ни одна бумага в этом

доме не стоит твоей жизни.

— Тогда расскажи, что происходит.

Аманда посмотрела на зелёную папку. Потом на дочь.

— Я попробую. Только дай мне немного времени.

— Ты обещаешь?

— Обещаю.

Лили обняла её. Аманда прижала дочь к себе и долго не отпускала.

Обе хотели верить, что ещё успеют поговорить обо всём.

В половине одиннадцатого Лили вышла из дома матери.

Дождь прекратился. На мокрых камнях дорожки отражался свет фонаря.

— Позвони, когда доберёшься, — попросила Аманда с крыльца.

— Обязательно.

— И езжай осторожно.

— Мам, ты повторяешь это каждый раз.

— Значит, у меня хорошая память.

Лили улыбнулась, помахала рукой и села за руль.

Аманда стояла у двери, пока задние огни машины не исчезли за поворотом.

Вернувшись в дом, она увидела на столе зелёную папку. Дочь оставила её здесь.

Аманда села, открыла обложку и долго рассматривала старые листы.

Потом вытащила один из них — самый короткий, с

несколькими фамилиями и маленьким ромбом в углу.

Она не стала его уничтожать.

Вместо этого положила отдельно и набрала номер, который много лет не решалась использовать.

Ответили после первого гудка.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказала Аманда.

— Мы слушаем.

— Вы получите свои бумаги. Но оставьте Лили в покое.

На другом конце линии кто-то тихо вздохнул.

— Вы всё ещё полагаете, что можете ставить условия, миссис Беннет?

Аманда выпрямилась.

— Когда речь о моей дочери — да.

Лили остановилась возле своей квартиры и посмотрела на телефон.

Сообщение от матери пришло несколько минут назад:

«Спасибо за сегодняшний вечер, моя хорошая. Люблю тебя».

Лили набрала ответ:

«И я тебя, мамочка».

Она уже собиралась выйти из машины, когда заметила на пассажирском сиденье рисунок Томаса — женщину с огромными разноцветными крыльями.

Лили улыбнулась и положила лист в папку с эскизами. Затем позвонила Ханне.

— Мы поговорили, — сказала она.

— Ну?

— Мама обещала всё рассказать.

— Когда?

— Не знаю. Скоро.

Ханна помолчала.

— Лили, завтра утром я заеду за тобой. Поедем вместе в редакцию. Мне показали ещё кое-что в старых архивах.

— Что именно?

— Не хочу обсуждать по телефону.

— Ты стала такой же загадочной, как мама.

— Это заразно. Спи, художница.

Лили отключила звонок.

Она подняла глаза к окнам квартиры. Внутри было темно, и ничто не выдавало недавнего чужого присутствия.

Лили ещё минуту сидела в автомобиле, собираясь с духом.

Потом вышла и направилась к подъезду.

На другой стороне улицы припаркованная машина медленно включила фары.

Лили не заметила её.

Конец четвёртой главы

ПОСЛЕДНИЙ КАРАТ

Глава 5

Четвёртый снимок

Аскарова Виктория

Ханна Миллер разложила на столе шесть фотографий, два блокнота и недоеденный бутерброд. Бутерброд лежал непосредственно на газете тридцатилетней давности, что было недопустимо с точки зрения архивного дела и вполне приемлемо с точки зрения голодной журналистки.

— Сколько раз тебе повторять, что у нас есть столовая? — спросил редактор, остановившись у её стола.

— Три раза в день. Но вы говорите только два.

— Миллер, ты когда-нибудь научишься отвечать на вопросы прямо?

— Как только они станут интересными.

Редактор заглянул ей через плечо.

— Опять старые исчезновения?

— Пока только одно. И семейная фотография.

— Для некролога?

— Надеюсь, нет.

Он посмотрел на часы и ушёл, оставив после себя запах одеколона и требование сдать заметку о ремонте городской площади к четырём. Ханна дождалась, когда дверь кабинета

закроется, и придвинула к себе увеличенную копию старого снимка. На нём, перед каменным строением, стояли люди в светлых рубашках. Снимок был выцветшим, лица различались плохо, но рядом с Ричардом Беннетом она уже уверенно узнавала Эдмунда Крейна. Рядом стояла молодая женщина. Её ладонь лежала на руке Ричарда — жест вполне невинный, если не знать, куда смотреть.

На обороте другого снимка, найденного в архиве исследовательского общества, имелась короткая подпись: «Вади-Хаммамат. Полевой сезон. Р. Беннет, К. Уэст». Ханна записала в блокноте: «К. Уэст». Пока только инициалы и фамилия. Полного имени в найденной подписи не было.

— Ну и кто же вы такая? — тихо спросила она.

В поисковой базе нашлись старые научные публикации, несколько упоминаний в программах конференций, где значилась «К. Уэст», и ни одной современной фотографии. Судя по темам работ, женщина занималась древними письменностями. Потом следы её научной деятельности оборвались. Ханна распечатала последнюю статью и только после этого заметила, что в заголовке стояло имя Ричарда Беннета. Они были соавторами.

* * *

Лили приехала в редакцию с запозданием на сорок минут.

— Тебя когда-нибудь учили приезжать вовремя? — спросила Ханна.

— Учили. Но я решила не ограничивать свою творческую

свободу.

Лили попыталась улыбнуться, однако Ханна сразу заметила тёмные круги под её глазами.

— Ты спала?

— Немного.

— Это не ответ.

— Два часа. Довольна?

— Совершенно нет.

Ханна провела её в пустую переговорную и закрыла дверь. У Лили в руках была толстая папка. Она положила её на стол с осторожностью, будто внутри находилось что-то хрупкое.

— Я взяла это из дома мамы, — сказала она.

— Она знает?

— Нет. И не должна узнать, пока мы не поймём, что здесь.

В папке находились копии писем Ричарда, несколько старых маршрутных листов экспедиции и фотография мужчины, стоявшего рядом с Амандой у моря. Лили долго смотрела на последний снимок.

— Я почти не помню его голоса, — призналась она. — Мама рассказывала, что он умел смешно изображать птиц. Я каждый раз просила её повторить.

— Ты скучаешь по нему?

— Наверное, по тому, каким представляла его себе.

Ханна не стала отвечать. Она повернула к подруге фотографию из архива.

— Узнаёшь отца?

Лили наклонилась.

— Да. А это Крейн?

— Скорее всего. Но меня интересует женщина справа.

Лили приблизила изображение на телефоне.

— Я её никогда не видела.

— Пока знаю только инициалы: К. Уэст. Судя по публикациям, археолог, работала с твоим отцом в Египте.

— И что с ней случилось?

— Если судить по доступным источникам, она перестала публиковаться. Это не значит, что она умерла или пропала. Люди имеют право менять работу.

— Но ты считаешь странным, что она исчезла из научного мира?

— Считаю странным, что после такого крупного открытия, о котором намёками пишут в экспедиционных отчётах, почти все участники перестали его обсуждать.

Лили провела пальцем по краю фотографии.

— Какого открытия?

— Вот этого я пока не знаю.

В одном из маршрутных листов была отмечена стоянка в Восточной пустыне Египта. Ниже шли слова, написанные почерком Ричарда: «Дополнительное обследование не согласовано. Материалы опечатаны».

— Мой отец всегда говорил, что работа в пустыне опасна, — тихо сказала Лили. — По крайней мере, так рассказывала мама.

— Может, так и было.

Лили подняла голову.

— Ханна, а если мама скрывает от меня что-то, связанное с его смертью?

— Тогда нам понадобятся факты, прежде чем мы решим, что именно она скрывает.

Это был редкий случай, когда Ханна произнесла осторожную фразу и действительно собиралась ей следовать.

* * *

В мастерской Дрю Моргана пахло полировальной пастой и свежим кофе. Кофемашина, которую он объявил погибшей, неожиданно заработала после того, как Дрю с досады стукнул по её корпусу.

— Значит, ты предпочитаешь угрозы переговорам, — сказал он аппарату. — Это многое объясняет.

— Ты теперь беседуешь с техникой? — раздался голос от двери.

Молли Сью стояла на пороге с двумя бумажными пакетами.

— Только с той, что отвечает взаимностью, — сказал Дрю.

— Я принесла обед. Ты ведь снова забыл поесть?

— Я питался.

— Чем?

— Надеждой.

— Значит, ты голоден.

Она поставила пакеты на прилавок. Дрю смотрел, как

Молли достаёт сэндвичи, как привычно закатывает рукава, чтобы не испачкать их соусом, и думал, что некоторые движения человеческая память хранит удивительно долго.

— Ты часто заходишь к Аманде? — спросила Молли, когда они сели.

— Когда зовёт. То есть почти каждый день.

— Как она?

— Всё такая же. Её часы снова опаздывают, хотя это, по её мнению, моя вина.

— А Лили?

Дрю вспомнил, как девушка ушла с веранды после тревожного звонка.

— Она какая-то напряжённая. Я хотел спросить, но она отшутилась.

— Может, у неё неприятности.

— У всех неприятности. Вопрос только в том, рассказываем ли мы о них кому-нибудь.

Молли медленно отложила сэндвич.

— Это ты сейчас о Лили или о себе?

Он смутился.

— Пожалуй, об обоих.

Несколько секунд они молчали.

— Я рада, что мы снова разговариваем, — сказала Молли.

Дрю поднял глаза.

— Я тоже.

Она улыбнулась, и он впервые за долгое время не стал

искать шутку, чтобы спрятать ответ. В кармане его жилета лежала карточка Артура Вейла. Дрю машинально нащупал её, но не достал. Незнакомый коллекционер и его вопросы о редких камнях казались сегодня несущественными.

* * *

Аманда Беннет проснулась после обеда с тяжёлой головой. Ей снился Египет. Не тот, который показывали по телевизору, с величественными пирамидами и золотыми сокровищами, а серые камни, жаркий воздух и белые палатки экспедиции. В молодости она однажды приехала к Ричарду на несколько дней. Он встретил её у маленького аэродрома, обнял, спросил о Лили и почти сразу начал рассказывать о своей работе. Аманда тогда гордилась им. Считала, что её муж вот-вот сделает великое открытие. Теперь она вспоминала прежде всего женщину в светлой рубашке, которая стояла рядом с ним у карты. «Познакомьтесь, это моя жена», — сказал тогда Ричард. Женщина улыбнулась слишком спокойно. Аманда села на кровати и отогнала воспоминание. Ей было восемьдесят два, а старое унижение всё ещё умело возвращаться без приглашения. Она открыла шкаф и достала жестяную коробку с письмами. Некоторые из них давно пожелтели. Одно было сложено вдвое, и сгиб почти прорвался. «Ты всё неправильно поняла», — писал Ричард. Аманда усмехнулась.

— Конечно. Я всегда всё неправильно понимала.

Внизу послышался звонок в дверь. Старушка быстро

спрятала коробку. На крыльце стояла Лили.

— Мама, мы можем поговорить?

— Разумеется. Только сначала скажи, почему у тебя такой вид, будто ты собираешься сообщить мне о конце света.

— Возможно, он пока откладывается.

— Прекрасно. Тогда успеем выпить чай.

Лили не улыбнулась. В гостиной Аманда предложила ей сесть и принесла печенье. Дочь не притронулась к нему.

— Я нашла фотографию из экспедиции папы, — сказала она.

Рука Аманды, державшая чайник, дрогнула.

— У него было много фотографий.

— На этой есть женщина, обозначенная в архиве как К. Уэст.

Аманда поставила чайник.

— Откуда ты знаешь это имя?

— Из архивов. Ханна помогает мне.

— Та самая журналистка? — резко спросила старушка.

— Она моя подруга.

— Я знаю, кто она. Зачем вы копаетесь в старых бумагах?

Лили выпрямилась.

— Потому что я хочу знать правду об отце.

Аманда смотрела на дочь. Ей хотелось сказать, что Ричард не заслуживает ни её любви, ни её поисков. Хотелось рассказать о лжи, о годах обмана, о женщинах, которых Лили в детстве называла тётями. Но за этими признаниями стояло

другое, куда более страшное прошлое.

— Твой отец был сложным человеком, — наконец произнесла Аманда.

— Ты всегда говорила, что он был добрым.

— Он мог быть добрым. Иногда.

— А эта женщина с фотографии? Она была его коллегой?

— Да.

— Только коллегой?

Аманда отвела взгляд. Лили всё поняла не сразу. А когда поняла, почувствовала не столько обиду, сколько неожиданную жалость к матери.

— Мам...

— Не надо, дорогая. Это было давно.

— Почему ты мне не рассказывала?

— Потому что ты не обязана помнить отца таким, каким помню его я.

Лили осторожно взяла её за руку.

— Я уже взрослая. Ты можешь говорить со мной.

Аманда накрыла пальцы дочери своей ладонью.

— Именно поэтому я прошу тебя прекратить поиски.

— Из-за того, что папа изменял тебе?

— Не только.

Последние слова прозвучали так тихо, что Лили не была уверена, услышала ли их правильно.

— Что значит «не только»?

Аманда поднялась.

— Мне нужно отдохнуть.

— Мама, пожалуйста.

— Уходи домой, Лили.

Дочь долго стояла посреди гостиной. Потом тихо сказала:

— Я не хочу тебя ранить. Я просто хочу понять.

Аманда не обернулась. И только когда за Лили закрылась дверь, старушка позволила себе заплакать.

* * *

Ханна ждала ответа от библиотечного архива до вечера. Наконец пришло письмо: в хранилище имелся адрес, по которому исследовательница К. Уэст когда-то получала профессиональную корреспонденцию. Адрес был старым и наверняка давно не использовался. Ханна распечатала его и положила в блокнот. Она уже собиралась уходить, когда ей позвонила Лили.

— Я говорила с мамой, — произнесла та без приветствия.

— И?

— Женщина с фотографии была любовницей отца. Мама не сказала прямо, но я поняла.

Ханна некоторое время молчала.

— Мне жаль.

— Я не понимаю, зачем она всю жизнь рассказывала мне другую историю.

— Возможно, хотела сохранить тебе хорошие воспоминания.

— А может, не хотела, чтобы я задавала другие вопросы.

— Лили, это две разные вещи. Не смешивай их раньше времени.

— Ты говоришь как следователь.

— Сегодня я пытаюсь быть разумной. Завтра, вероятно, пройдёт.

Лили слабо рассмеялась.

— Ты нашла что-нибудь?

— Старый адрес К. Уэст. Пока это всё.

— Давай съездим.

— Сначала проверим, живёт ли там кто-нибудь. И не будем делать ничего, о чём потом пожалеем.

— Обещаю.

Ханна посмотрела на телефон с сомнением.

— Ты сейчас скрестила пальцы?

— На обеих руках.

— Я так и знала.

* * *

На следующий день Дрю заехал к Аманде по дороге в мастерскую. Старушка долго не открывала. Когда наконец появилась в дверях, выглядела уставшей.

— Аманда, вы больны?

— Нет, дорогой. Просто плохо спала.

— Позвать врача?

— Лучше почини мне дверцу шкафа. Она скрипит так, словно туда поселился целый хор привидений.

— Врач был бы проще.

Аманда улыбнулась и впустила его. Пока он возился с петлями на кухне, старушка неожиданно спросила:

— Дрю, ты когда-нибудь хотел исправить прошлое?

— Каждый раз, когда смотрю на свои счета.

— Я серьёзно.

Он отложил отвёртку.

— Наверное, все хотели бы. Только это ничего не меняет.

— Иногда меняет то, что мы делаем потом.

— Возможно.

Она внимательно посмотрела на него.

— Ты хороший человек, Дрю.

— Вы уже говорили.

— Значит, повторю ещё раз.

Он хотел пошутить, но Аманда продолжила:

— Если Лили попросит тебя о помощи, пожалуйста, не отказывай ей.

— Конечно. Но что происходит?

— Не знаю, — сказала Аманда, и он впервые услышал в её голосе настоящий страх. — Боюсь, я уже не всё знаю.

Дрю подошёл ближе.

— Вы можете мне доверять.

Аманда коснулась его руки.

— Я знаю, дорогой.

Но больше ничего не сказала.

* * *

Вечером Лили вернулась в студию за забытым блокнотом.

Коридор был пуст, свет горел только у лестницы. На двери её кабинета кто-то оставил белый конверт без подписи. Лили остановилась. Почти минуту она смотрела на него, не решаясь прикоснуться. Потом открыла. Внутри была фотография из старого экспедиционного архива. Ричард Беннет стоял у каменного прохода. Рядом с ним

— та самая женщина, обозначенная как К. Уэст. На обороте незнакомой рукой было выведено:

«Спроси её, что они вынесли из гор». Лили перечитала фразу. Фотография была не такой, какие она видела у Ханны. Снимок сделан ближе, почти у самого входа. За плечом Ричарда угадывалась часть каменной стены с вырезанным ромбовидным знаком. В дальнем конце коридора хлопнула дверь. Лили подняла голову.

— Кто здесь?

Никто не ответил.

Она вышла на улицу, крепко держа конверт. На парковке было пусто, если не считать старого фургона уборочной службы. Лили села в машину и достала телефон. Сначала набрала Ханну. Та не ответила. Потом открыла контакт Дрю. Она долго смотрела на его имя. Вспомнила, как он говорил на веранде: если дорогой человек совершил ошибку, нужно сначала попытаться понять почему. «А если ошибка куда страшнее?» — подумала Лили. Она не позвонила. Только отправила короткое сообщение: «Дрю, можно завтра зайти к тебе в мастерскую? Мне нужен совет. Пожалуйста, по-

ка не говори маме». Ответ пришёл почти сразу: «Конечно. И не вздумай приходить без кофе. Мой аппарат опять барахлит». Лили улыбнулась, хотя руки всё ещё дрожали. Затем посмотрела на фотографию. На этот раз её внимание привлёк не отец и не женщина рядом с ним. У каменной стены, почти скрытый тенью, стоял третий человек. Лили приблизила снимок. Лицо было неразличимо, но на лацкане его рубашки блестел маленький знак — ромб внутри круга.

Точно такой же знак она видела на визитке, лежавшей среди старых документов матери. Она достала блокнот и записала два слова: «Найти владельца». Потом сложила снимок обратно в конверт. На этот раз Лили решила, что никому не позволит её запугать. Она ещё не знала, кто именно оставил фотографию. И был ли этот человек её врагом или единственным, кто пытался предупредить.

Конец пятой главы.

ПОСЛЕДНИЙ КАРАТ

Глава 6. Тени Египта

Аскарова Виктория

Ханна Миллер считала, что у любого архива есть две неприятные особенности: нужная бумага непременно лежит в последней коробке, а человек, который знает, где эта коробка, непременно ушёл на обед.

— Я ищу список участников экспедиции в Вади-Хаммамат,

— повторила она в третий раз.

Сотрудник университетского архива поправил очки.

— Год?

— Примерно тридцать с лишним лет назад. Исследователь

Ричард Беннет. Проект мог финансировать Эдмунд Крейн.

— «Примерно» — это не год, мисс Миллер.

— А у вас, я смотрю, не только документы хорошо сохранились, но и чувство юмора.

Он не улыбнулся.

Ханна вздохнула и придвинула к нему копию фотографии. На снимке несколько человек стояли на фоне голых египетских скал. Один из мужчин держал полевую тетрадь, а за его плечом виднелась женщина в широкополой шляпе. На обороте фотографии значилось лишь: «К. Уэст».

— Мне нужно выяснить, кто это, — сказала Ханна.

— Здесь нет полного имени.

— Именно поэтому я пришла к вам, а не к собственной кофеварке.

Сотрудник наконец поднялся и ушёл между стеллажами. Вернулся он не сразу. Ханна успела проверить телефон, ответить редактору и мысленно уволиться с работы. Дважды.

На стол легла тонкая папка.

— Отчёт о полевых исследованиях, — сказал архивист. — Не

весь. Часть приложений передана в другое хранилище.

Ханна открыла титульный лист. Внизу стояли фамилии участников.

Ричард Беннет — руководитель исторической группы.

Кэролайн Уэст — археолог, специалист по древним письменностям.

Эдмунд Крейн — частный спонсор.

Ханна почувствовала знакомое удовольствие человека, который наконец поймал ускользающую мысль.

— Кэролайн, — тихо произнесла она.

— Простите?

— Ничего. Я просто впервые познакомилась с женщиной, которая давно не отвечает на вопросы.

В краткой справке указывалось, что Кэролайн покинула университет спустя несколько лет после экспедиции. Позднейших научных публикаций под её именем архивист не на-

шёл.

— Уволилась? — спросила Ханна.

— По собственному желанию. Здесь больше ничего нет.

Она сфотографировала разрешённые страницы. В последнем приложении обнаружилась пометка от руки: «Материалы сектора Д переданы на отдельное хранение». Ни перечня материалов, ни объяснения, что такое сектор Д.

— А это можно посмотреть?

Архивист проверил номер дела.

— Не здесь. И, насколько я вижу, доступ к этому фонду ограничен.

Ханна захлопнула блокнот.

Один ответ она получила. Вместо него возникли три новых вопроса.

Лили Беннет ждала подругу в кафе возле университета и делала вид, что читает меню.

Она уже знала его наизусть. За последние полчаса успела выбрать обед три раза, но заказывать ничего не стала.

С тех пор как кто-то проник в её квартиру, Лили по-другому смотрела на обычные вещи. Шаги за спиной заставляли её оборачиваться. Незнакомые автомобили казались знакомыми. Звонки с неизвестных номеров она больше не принимала.

— У меня есть имя, — объявила Ханна, опускаясь напротив.

— У кого?

— У нашей загадочной «К. Уэст». Кэролайн Уэст. Археолог.

Работала с твоим отцом в Египте.

Лили взяла протянутую копию отчёта.

— Кэролайн, — повторила она, словно проверяя, подходит ли

имя женщине на старом снимке.

— После экспедиции она ещё какое-то время преподавала,

затем ушла из университета. Публичных следов почти не осталось.

— Может, вышла замуж и сменила фамилию?

— Возможно. А может, просто захотела жить без

любопытных журналистов. Я лично таких людей понимаю, хотя и не одобряю.

Лили улыбнулась, но тут же посерьёзнела.

— Ханна, я нашла дома ещё одну фотографию отца. Он стоит

рядом с этой женщиной. На обороте написано: «Наше открытие».

— Ты принесла её?

— Нет. Она осталась у мамы.

— Тогда попроси показать.

— После нашего последнего разговора? — Лили покачала головой. — Она едва не выставила меня за дверь.

Ханна положила ладони на стол.

— Послушай. Нам не нужно делать из Аманды чудовище только потому, что она чего-то не рассказывает.

— Я и не делаю.

— Ты третий день спишь по два часа, а на любое сообщение вздрагиваешь. Это уже не просто любопытство.

Лили помолчала.

— Когда я была маленькой, мама говорила, что отец погиб в экспедиции. Я представляла, как он заблудился где-нибудь в песках. А теперь выясняется, что он встречался с человеком, который исчез, и с женщиной, о которой мама не произнесла ни слова. Что мне думать?

— Пока ничего. Для выводов у нас слишком мало фактов.

Официантка поставила перед ними кофе.

— И ещё, — добавила Ханна. — В отчёте есть странная пометка о каких-то материалах сектора Д. Я попробую выяснить, что это.

— Может быть, это обычные археологические находки.

— Может быть. Но когда обычные находки прячут в отдельный фонд, мне становится ужасно любопытно.

Лили впервые за утро рассмеялась.

В тот же день Лили снова приехала к матери.

Аманда встретила её у двери в старом голубом кардигане. На щеках у неё был румянец — вероятно, от горячей кухни, — а из дома пахло тушёными овощами.

— Ты вовремя, дорогая. Я как раз собиралась кормить человека, которого не существует.

— Кого?

— Себя. Но одна я всё равно ем без аппетита.

Лили обняла её крепче обычного.

Аманда чуть отстранилась.

— Что случилось?

— Ничего. Просто соскучилась.

— В таком случае проходи. Пока суп не обиделся.

Они долго говорили о выставке Лили, о детях из студии и о том, что соседский пёс снова выкопал яму возле калитки. Лили не торопилась. Она хотела, чтобы мать сама почувствовала: дочь приехала не на допрос.

Когда со стола убрали тарелки, Лили заметила на буфете старый семейный альбом.

— Помнишь, как папа учил меня кататься на велосипеде?

Аманда застыла возле раковины.

— Конечно. Ты упала прямо в куст роз. Он потом полвечера

вытаскивал из твоих волос листья.

— Я почти не помню его голоса.

— У него был красивый голос, — тихо сказала Аманда. — Он

умел рассказывать истории так, что все вокруг забывали о времени.

Лили открыла альбом. На одной из фотографий Ричард

держал маленькую дочь на плечах.

— Он был хорошим мужем?

Аманда не ответила сразу.

Вода продолжала течь из крана. Наконец она повернула вентиль.

— Он был твоим отцом, Лили. И очень тебя любил.

— Я спросила не об этом.

Аманда присела напротив.

— Нет, — сказала она после долгой паузы. — Хорошим мужем он не был.

Лили подняла глаза.

— У него была другая женщина?

Аманда посмотрела на фотографию Ричарда.

— Были женщины. Не одна.

Лили почувствовала, как неприятно сжалось горло.

— Ты знала?

— Не сразу. Когда узнала, пыталась сохранить семью. Я была моложе и глупее, чем мне тогда казалось.

— Почему ты ничего не рассказывала мне?

— Потому что я не хотела, чтобы ты считала себя недостаточной причиной для того, чтобы он остался. Дети иногда именно так и думают.

Лили опустила взгляд.

— В Египте с ним работала Кэролайн Уэст, — произнесла она. — Ты её знала?

Аманда медленно положила руки на колени.

— Имя знакомое.

— Она была одной из них?

— Лили, я не хочу обсуждать подробности моего брака.

— Я не пытаюсь тебя мучить. Мне нужно понять, почему мне
продолжают угрожать.

Аманда отложила салфетку. Она уже знала об угрозах, но от этих слов у неё всё равно сжалось сердце.

— Они снова выходили с тобой на связь?

— Да. И теперь кто-то побывал в моей квартире.

Аманда резко поднялась.

— Ты уверена, что это были они?

— Не знаю, мама. Оставили надпись на картине. Я вызвала
полицию, но следов взлома не нашли. Мне страшно.

Аманда подошла к дочери и крепко обняла её.

— Господи, Лили... Если бы ты только знала, как я боюсь за
тебя.

— Я же просила тебя оставить эти бумаги, — выговорила она
наконец.

— Потому что каждый раз, когда я спрашиваю о прошлом, ты
закрываешься. Мама, ты ведь знаешь, кто эти люди?

Аманда протянула руку к дочери.

— Дорогая моя, пожалуйста, перестань искать эти документы. Не из-за меня. Ради себя.

— Тогда объясни мне почему. Что ты от меня скрываешь?

Старушка открыла рот, но не произнесла ни слова.

Лили видела её страх и прежде, но теперь он был сильнее: Аманда смотрела на дочь так, словно та уже стояла на краю пропасти.

— Ты что-то знаешь, — тихо сказала Лили.

— Я знаю, что хочу видеть тебя живой и счастливой.

Лили взяла её руку.

— Я тоже хочу, мама. Но сейчас мне страшно.

Аманда прижала ладонь дочери к своей щеке.

И на этот раз не стала скрывать слёз.

Вечером Дрю Морган пришёл в ресторан на двадцать минут раньше назначенного времени.

Он успел поправить воротник рубашки, передвинуть вилку, проверить телефон и пожалеть, что выбрал столик у окна. За стеклом отражался человек, который явно не знал, куда девать руки.

— Вы ждёте кого-то? — спросила официантка.

— Надеюсь.

Она улыбнулась.

— Очень обнадёживающий ответ.

Молли появилась ровно в семь.

Волосы она собрала в свободный узел, надела простое

тёмное платье. Дрю поднялся так резко, что едва не задел стол.

— Осторожнее, — сказала Молли. — Я ещё даже не успела

испортить тебе вечер.

— Ты опоздала на целую вечность.

— На ноль минут.

— Для меня это очень много.

Они улыбнулись друг другу.

Сначала говорили осторожно, словно проверяли непрочный мост. О работе, о погоде, о старых знакомых. Потом разговор стал легче. Молли вспомнила, как Дрю когда-то пытался приготовить ей ужин и сжёг хлеб, хотя в меню хлеба вовсе не было.

— Я хотел удивить тебя, — оправдывался он.

— Тебе удалось. Пожарная сигнализация была потрясена.

Дрю рассмеялся.

Он поймал себя на том, что почти не смотрит на часы. Раньше во время ужинов он мысленно возвращался к незавершённым заказам. Теперь ему хотелось, чтобы вечер длился дольше.

— А у Аманды как дела? — спросила Молли.

— Всё так же воюет со своими часами и соседской собакой.

Лили тоже часто приезжает. В последнее время, правда, выглядит обеспокоенной. Кажется, они с Ханной разбирают-

ся в старых семейных бумагах.

— Лили Беннет? — уточнила Молли.

— Да. Очень умная девушка. И настойчивая. Если уж она за
что-то взялась, не успокоится.

Молли приподняла бровь.

— Умная, значит?

— Конечно. Она всегда умела добиваться своего.

— Как много ты о ней помнишь, — заметила Молли, помешивая салат.

Дрю уловил в её голосе насмешливую нотку.

— А что?

— Ничего. Продолжай рассказывать о замечательной Лили
Беннет.

Он усмехнулся.

— Молли, ты что, ревнуешь?

— Я? К Лили? Даже не думала!

— Тогда почему ты так сердито смотришь на свой салат?

Молли опустила глаза. Помидор под её вилкой уже потерял всякое сходство с первоначальным видом.

— Он мне с самого начала не понравился, — невозмутимо ответила она.

Дрю рассмеялся.

— Мы с Лили знакомы много лет. Она для меня почти как младшая сестра.

— Разумеется. Очень умная, настойчивая младшая сестра.

— Ты забыла добавить, что невероятно упрямая.

Молли наконец улыбнулась.

— Ладно, Морган. На этот раз поверю.

Он протянул руку через стол и осторожно коснулся её пальцев.

— Мне гораздо интереснее женщина, которая сейчас сидит

напротив меня.

— Правда?

— Абсолютно.

— Тогда, пожалуй, я позволю тебе заказать десерт.

— Как великодушно!

— Только шоколадный.

— А если я хотел яблочный пирог?

— Тогда отправляйся к Аманде Беннет.

Они оба рассмеялись.

Когда смех стих, Молли некоторое время рассматривала их руки.

— Дрю, я не хочу, чтобы мы снова начали с обещаний, которые никто не выполняет.

Он стал серьёзным.

— Я тоже.

— Я тогда ушла не потому, что у тебя не было денег.

— Я знаю.

— Нет, по-моему, раньше ты этого не понимал. Я могла бы

жить с тобой и в комнате над мастерской. Но не могла жить рядом с человеком, которого никогда не было рядом по-настоящему.

Дрю кивнул. Ему хотелось оправдаться: долгами, страхом неудачи, бессонными ночами. Вместо этого он сказал:

— Я слишком часто выбирал работу, даже когда ты просила

всего лишь поговорить. Прости.

Молли посмотрела на него с удивлением.

— Ты впервые сказал это без слова «но».

— Я тренируюсь.

— Тогда успехи заметны.

Она не убрала руку.

И для Дрю это значило больше, чем все похвалы, которые он когда-либо получал за свои украшения.

На следующее утро Дрю увидел у дома Аманды серую машину.

Он как раз возвращался из магазина с пакетом хлеба и кофе, когда из калитки вышел знакомый мужчина в дорогом пальто.

Артур Вейл.

Тот самый оценщик, который несколько дней назад оставил ему визитную карточку.

Аманда стояла на крыльце. Даже с другой стороны улицы

Дрю было видно, как напряжено её лицо.

— Вы слишком долго откладываете разговор, миссис Беннет,

— сказал Вейл. Голос звучал спокойно, но достаточно громко.

— Я дала ответ.

— И всё же надеюсь, что вы его пересмотрите.

Аманда захлопнула дверь.

Артур постоял несколько секунд, затем поправил перчатки и направился к машине. Увидев Дрю, он слегка кивнул.

— Господин Морган. Как поживает ваша мастерская?

— Неплохо. Вы знакомы с Амандой?

— Наши пути когда-то пересекались.

— Она показалась мне расстроенной.

— Возраст иногда делает людей чувствительными.

Дрю нахмурился.

— Аманда в таком возрасте, что имеет полное право не разговаривать с неприятными гостями.

Вейл внимательно посмотрел на него.

Затем улыбнулся.

— Вы заботливый сосед. Это редкое качество.

Машина уехала.

Дрю дождался, пока она скроется за поворотом, и подошёл к дому Аманды.

Старушка открыла не сразу.

— Дрю? Что-нибудь случилось?

— Хотел спросить то же самое у вас.

— С чего вдруг?

— Видел вашего посетителя.

Аманда вздохнула.

— Старые дела, дорогой. Скучнее не придумаешь.

— Он и ко мне заходил. Предлагал звонить, если попадутся редкие камни.

Старушка пристально посмотрела на него.

— И ты позвонил?

— Нет. А должен был?

— Не думаю.

Она улыбнулась, но улыбка вышла усталой.

— У меня есть чай. И пирог.

Дрю улыбнулся.

— Ваш знаменитый яблочный?

— А какой же ещё?

— Тогда, боюсь, отказаться будет невежливо.

— Вот и правильно, дорогой. А то совсем отощал со своей работой.

Дрю вошёл следом. Он не заметил, что Аманда, прежде чем закрыть дверь, ещё раз тревожно посмотрела на опустевшую улицу.

Ханна позвонила Лили ближе к вечеру.

— У меня кое-что есть. Возможно, адрес Кэролайн Уэст.

— Ты нашла её?

— Не спеши. В старом университетском справочнике указан

дом, где она жила после ухода с работы. Но сведения старые. Я ещё проверяю.

— Можешь прислать?

— Пришлю после проверки. И предупреждаю: никаких поездок в одиночку.

— Ты говоришь как моя мать.

— Прекрасно. Значит, у вас обеих есть здравый смысл хотя

бы в одном экземпляре.

Лили обещала ничего не предпринимать.

И на этот раз действительно собиралась сдержать обещание.

Но поздним вечером, когда она уже готовилась ко сну, под дверь её квартиры просунули конверт.

Она услышала шорох, подошла к двери и посмотрела в глазок. Площадка была пуста.

На конверте не было ни имени, ни обратного адреса.

Внутри лежала старая фотография: группа людей у каменного входа среди скал. Лили узнала отца. Рядом с ним стояла женщина в широкополой шляпе.

На обороте было написано:

«Ваш отец не погиб там, где вам сказали. Завтра. Шесть вечера».

Ниже — адрес на окраине города.

Лили перевернула фотографию ещё раз. На краю снимка виднелась чья-то рука, будто фотограф в последний момент не заметил человека, стоявшего совсем близко.

Она взяла телефон и открыла переписку с Ханной.

Набрала: «Мне принесли письмо. Кажется, кто-то знает про папу».

Палец замер над кнопкой отправки.

В памяти всплыло сообщение: «Не заставляйте нас разговаривать с вашей матерью».

Если за письмом стояли те же люди, они могли узнать и о Ханне. А после — снова обратиться к Аманде. Лили представила мать одну в старом доме и стёрла текст.

Она не знала, кто оставил конверт. Возможно, человек, готовый помочь. Возможно, тот, кто уже проникал в её квартиру. И она понимала, что молчание тоже может оказаться ошибкой.

Она положила фотографию на стол, выключила верхний свет и долго смотрела на освещённый фонарём двор.

В шесть часов завтрашнего вечера ей предстояло сделать выбор.

И впервые Лили не была уверена, кому из близких решится о нём рассказать.

Конец шестой главы.

АСКАРОВА ВИКТОРИЯ
ПОСЛЕДНИЙ КАРАТ

Глава седьмая

ЦЕНА ПРАВДЫ

Утром Лили трижды брала телефон, чтобы позвонить Ханне, и трижды откладывала его на кухонный стол.

Фотография лежала рядом с чашкой остывшего кофе. Солнце освещало неровный край бумаги и лица людей, которые когда-то стояли среди египетских скал и понятия не имели, что через много лет незнакомая девушка будет разглядывать их словно свидетелей преступления.

На снимке Ричард Беннет улыбался. Не той широкой улыбкой, которую Лили помнила по семейному альбому, а сдержанно, почти настороженно. Возле него стояла женщина в широкополой шляпе. Лили уже знала её имя: Кэролайн Уэст.

«Ваш отец не погиб там, где вам сказали. Завтра. Шесть вечера».

Слова с оборотной стороны фотографии не давали покоя. Почему неизвестный отправитель выбрал именно её? Почему подбросил письмо под дверь, а не позвонил? И откуда знал адрес, если Лили уже не раз меняла жильё?

Она открыла переписку с Ханной.

«Ты свободна сегодня вечером?» — набрала она.

Потом стёрла. Ханна обязательно спросит зачем, а врать подруге Лили не хотела. Рассказывать же всю правду было страшнее. Она помнила угрозу: «Не заставляйте нас разговаривать с вашей матерью». Неизвестные уже знали об Аманде слишком много. Что, если за ней следили? Что, если теперь следят и за Ханной?

Телефон завибрировал сам.

— Привет, — сказала Ханна вместо приветствия. — У меня чудесная новость: мой редактор полагает, что журналист может одновременно находиться в двух местах. Я собираюсь проверить, распространяется ли это на три.

Лили невольно улыбнулась.

— Ханна, ты сегодня занята?

— Утром — работой, днём — борьбой с работой. К вечеру надеюсь победить. А ты как?

— Нормально.

— Это слово обычно означает, что ты не спала, не завтракала и придумала что-нибудь опасное.

— Я позавтракала.

— Значит, два из трёх.

Лили посмотрела на конверт. Если она заговорит, Ханна приедет немедленно. Не позволит отправиться по адресу, а возможно, предложит обратиться в полицию. В обычный день Лили согласилась бы. Но сейчас ей казалось, что любое вмешательство заставит отправителя исчезнуть.

— Я просто устала, — сказала она.

Ханна помолчала.

— Если появится что-то новое, звони. И помни: я умею быть не только невыносимой, но и полезной.

— Знаю.

После разговора Лили надела пальто и вышла из квартиры. До шести часов оставалось много времени. Она решила провести день в студии, среди красок, детских рисунков и людей, не знавших, кто такой Эдмунд Крейн. Впервые за несколько недель ей хотелось, чтобы время шло быстрее.

* * *

Аманда проснулась до рассвета.

Она уже давно не доверяла будильникам. Особенно собственным: часы в доме показывали разное время, как будто каждый механизм упрямо защищал своё представление о нём. Сегодня, однако, ей было не до их разногласий.

На кухонном столе лежал лист бумаги, который она всю ночь то прятала в ящик, то доставала обратно. На нём был записан номер телефона. Никакой фамилии. Только цифры, выведенные её аккуратным старомодным почерком.

Дважды она набирала номер. Оба раза сбрасывала вызов до первого гудка.

В третий раз ответили почти сразу.

— Вы долго решались, миссис Беннет.

Аманда стиснула трубку.

— Я хочу, чтобы вы оставили мою дочь в покое.

— Это зависит не только от нас.

— Тогда передайте тем, от кого зависит.

На другом конце провода раздался негромкий вздох. Он был почти вежливым, и от этого Аманде стало холодно.

— Вы ведь знаете, что дело не в любопытстве Лили. Ей просто не следует находить некоторые вещи.

— Она ничего не знает.

— Пока.

Аманда посмотрела на яблоню за окном. Ветви были голые, тёмные от дождя. Когда Лили была маленькой, она карабкалась на нижнюю ветку и объявляла её кораблём. Аманда стояла под деревом,

готовая поймать дочь, хотя та возмущалась: «Мама, я уже большая».

— Если с ней что-нибудь случится… — начала Аманда.

— Не нужно угроз, — мягко перебил голос. — Они вам не идут.

Связь оборвалась.

Старушка ещё долго сидела с телефоном в руке. Затем встала, закрыла на ключ кухонный ящик и подошла к окну. Там, за оградой, начиналась обычная улица, где соседи выгуливали собак, спорили о парковке и спрашивали друг у друга соль. Мир продолжал жить так, будто ничего страшного не происходило.

Аманда вдруг остро захотела позвонить Лили и попросить её приехать. Не для объяснений. Просто чтобы увидеть, как она входит в дом и жалуется на погоду, как ищет в шкафу

свою любимую кружку, как смеётся над слишком кислым пирогом.

Но Лили снова спросит об отце. А Аманда не была уверена, что сможет солгать ещё раз.

* * *

К полудню Ханна сидела перед экраном в городском архиве недвижимости и испытывала к нему всё меньшую симпатию.

— Вы точно уверены, что этот дом существовал двадцать пять лет назад? — спросила сотрудница.

— Я в нём вчера была.

— Это не совсем ответ на мой вопрос.

— Поверьте, я бы удивилась, если бы он появился за ночь.

Сотрудница подняла глаза от монитора, но всё-таки нашла карточку старой сделки.

Дом на Кленовой улице был приобретён Амандой Беннет много лет назад, вскоре после официального заявления об исчезновении её мужа. В документах значилось, что расчёт произведён полностью, без ипотечного кредита.

Ханна переписала дату, номер записи и имя нотариуса.

Само по себе это не доказывало ничего. Люди получали наследство, продавали имущество, занимали у родственников. Но Аманда, насколько знала Ханна, всегда рассказывала о доме как о единственной большой удаче в жизни. Дешёвое старое жильё, которое пришлось долго приводить в порядок.

Ханна помнила обшарпанную лестницу и сад с яблоней. И никак не могла представить, что покупка когда-то могла потребовать значительной суммы.

— А стоимость указана? — спросила она.

— В доступной выписке только способ расчёта. Для старых бумаг есть отдельное дело, если оно сохранилось.

— Разумеется, оно должно быть где-нибудь отдельно, — вздохнула Ханна. — У архивов это семейная традиция.

Через час она получила копию дополнительного листа, где значилась сумма. Ханна присвистнула. По меркам тех лет дом стоил вовсе не копейки.

Она набрала имя Ричарда Беннета в поиске по старой прессе, но новых сведений не нашла. Затем открыла папку об Эдмунде Крейне. Из неё выпала собственная запись: «Проверить связи с семьёй после исчезновения Р. Б.».

Ханна долго смотрела на две даты: исчезновение Ричарда и покупка дома. Расстояние между ними было небольшим.

— Ну и что ты скрывала, Аманда? — тихо спросила она у пустого стола.

Вместо ответа её телефон пискнул. Редактор требовал материал, который должен был быть готов полчаса назад.

Ханна быстро закрыла архивную вкладку. Она хотела рассказать Лили о находке, но решила сначала установить, откуда могли взяться деньги. Не потому,

что перестала доверять подруге. Просто ей не хотелось

разрушать чью-то семейную историю одной подозрительной цифрой.

* * *

В мастерской Дрю пахло металлом, чистящим раствором и крепким кофе.

Молли стояла у витрины и разглядывала серьги с небольшими голубыми камнями. Они были красивыми, но явно не новыми: одна застёжка отличалась от другой.

— Их кто-нибудь купит? — спросила она.

— Если я закончу ремонт, купит владелица. Это её серьги.

— Вот почему мне никогда не стать хорошим ювелиром. Я всё время пытаюсь продавать чужие вещи.

Дрю поднял голову от рабочего стола.

— Ты бы быстро разбогатела.

— И быстро оказалась бы в тюрьме.

Он засмеялся и отложил инструмент.

Молли пришла без предупреждения и принесла два бумажных стаканчика кофе. Дрю старательно скрывал, как сильно его это обрадовало. Ему казалось,

что после их ужина всё изменилось, но он боялся назвать перемену вслух и тем самым спугнуть её.

— Тебе здесь не скучно? — спросила она, оглядывая стеллажи с коробочками.

— Если бы было скучно, я бы столько не задерживался.

— Ты задерживался не потому, что тебе интересно. Ты просто забывал, что за дверью существует другая жизнь.

Дрю помолчал. Раньше он обязательно возразил бы. Теперь от этого хотелось отказаться.

— Ты права, — сказал он.

Молли изобразила испуг.

— Повтори, пожалуйста. Я хочу записать. Такой случай бывает раз в десятилетие.

— Не злоупотребляй.

Она подошла к его столу. На чёрной подушечке лежало серебряное кольцо с тонкой гравировкой. То самое, которое когда-то связывало их обоих и которое Молли недавно вернула Дрю.

— Ты его не убрал, — заметила она.

— Думал почистить.

— Два раза?

Дрю улыбнулся.

— Возможно, я просто не хотел убирать его далеко.

Молли коснулась кольца кончиком пальца.

— Ты теперь делаешь украшения на заказ. А когда-нибудь делал что-нибудь для себя?

— Кому нужен ювелир с коллекцией собственных серёжек?

— А кольцо?

— Кольцо — другое дело.

— Например, обручальное.

Дрю не сразу ответил. Он слишком внимательно посмотрел на неё, и Молли рассмеялась.

— Не пугайся. Я всего лишь интересуюсь твоими профессиональными возможностями.

— А я уже мысленно выбирал ресторан.

— Сначала научись не сжигать хлеб.

Оба улыбнулись, но потом между ними возникло короткое, неожиданно серьёзное молчание.

— Дрю, — сказала Молли, — мне хорошо с тобой. Просто не хочется опять торопиться, а потом обнаружить, что мы идём в разные стороны.

— Я знаю.

— И не нужно отвечать так, будто я задаю тебе экзамен.

Он взял кольцо и закрыл ладонью.

— Я не собираюсь тебя торопить. Но и делать вид, что мне всё равно, больше не хочу.

На этот раз первой руку протянула Молли.

За дверью звякнул колокольчик. Вошла пожилая женщина с цепочкой, порвавшейся у замка. Дрю мгновенно вернулся к привычному внимательному тону, Молли отошла к витрине и украдкой улыбнулась его серьёзному лицу.

Она любила в нём это: когда ему доверяли что-нибудь маленькое и хрупкое, он обращался с вещью так, словно от неё зависела чья-то жизнь.

* * *

Лили покинула студию раньше обычного.

Её младшие ученики весь день рисовали фантастических животных. Один мальчик придумал лису с крыльями, другая девочка — рыбу, которая носила очки, потому что боялась глубины. Лили хвалила каждого и старательно улыбалась. В какой-то момент она поймала себя на том, что не помнит, каким цветом только что советовала закрасить небо.

Когда последний ученик ушёл, она заперла шкаф с красками, тщательно вымыла кисти и несколько минут стояла возле окна, наблюдая за прохожими.

Ещё можно было передумать.

Она достала из сумки конверт. На бумаге не было ни одного отпечатанного знака — только уверенный почерк, чужой и неуловимо знакомый. Лили вспомнила рассказы матери о том, что Ричард любил писать письма от руки. Он говорил, что человек думает медленнее, когда держит ручку, и поэтому реже произносит глупости.

Она никогда не знала, правда ли он так говорил, или это была одна из тех семейных легенд, которые с годами становились красивее.

На парковке Лили остановилась рядом со своей машиной. Тёмный автомобиль проехал мимо, не сбавляя скорости. Она всё равно дождалась, пока тот скроется за углом.

Адрес находился в старом районе на окраине. К шести небо затянулось облаками, уличные фонари уже горели. Дома здесь стояли далеко один от другого, за высокими забо-

рами с осыпавшейся краской.

Нужное строение оказалось двухэтажным, с узкой верандой и садом, который давно никто не приводил в порядок. У калитки качался заржавевший

колокольчик. Лили нашла кнопку звонка у двери и нажала.

Никто не ответил.

Она позвонила ещё раз. За матовым стеклом мелькнула тень. Щёлкнул замок, и дверь приоткрылась на ширину ладони.

На пороге стояла пожилая женщина. Седые волосы были стянуты в тугой пучок, на переносице виднелся след от очков. Женщина посмотрела на незнакомку с явным недоверием.

— Что вам нужно?

— Добрый вечер. Простите за беспокойство. Я ищу Кэролайн Уэст.

— Зачем?

— Мне необходимо с ней поговорить.

— Вы ошиблись адресом.

Женщина потянула дверь на себя.

— Подождите! Меня зовут Лили Беннет. Ричард Беннет — мой отец.

Рука на дверной ручке дрогнула. Женщина всмотрелась в лицо Лили так пристально, что той стало не по себе.

— Беннет, — произнесла она наконец. — Что ж, вы

очень на него похожи.

— Значит, вы его знали?

— Я ничего не могу вам рассказать. Уходите.

Дверь закрылась. С другой стороны повернули ключ.

Лили осталась на крыльце. Ветер трепал край её шарфа. Она уже сделала шаг к лестнице, но остановилась, достала из сумки конверт и снова позвонила.

— У меня фотография! — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Там мой отец. И вы, кажется, тоже. Снимок из Египта.

За дверью раздались шаги.

— Покажите, — потребовал тот же голос.

Дверь приоткрылась. Лили осторожно протянула фотографию. Женщина взяла её, посмотрела на лица, затем резко перевернула.

— Где вы это взяли?

— Мне прислали. Вчера вечером. Кто-то оставил конверт под дверью моей квартиры.

— Неправда. — Голос женщины сорвался. — Вы украли эту фотографию из моего альбома? Кто вам её дал?

— Я не крала! Я не знаю, кто её прислал. На обороте написали ваш адрес и время.

Женщина прочитала надпись. Её лицо стало серым.

— Этот снимок лежал в моём доме, — прошептала она.

— В альбоме. Никто не имел права его брать.

— Значит, кто-то побывал у вас?

— Вы ничего не понимаете. Уходите. И больше никогда сюда не приходите.

Она вернула фотографию и захлопнула дверь.

— Пожалуйста! — Лили постучала ладонью по дереву.

— Я не ищу неприятностей. Они сами нашли меня!

Ответа не последовало.

— Мне угрожают уже несколько недель. Незнакомцы звонят, присылают сообщения. Кто-то проник в мою квартиру и оставил предупреждение на картине. Я обращалась в полицию, но это не прекратилось.

Тишина.

— И они угрожают моей матери, — добавила Лили. — Аманде Беннет. Ей восемьдесят два года. Она боится, но не говорит почему. Я не знаю, как её защитить.

Замок щёлкнул так неожиданно, что Лили отступила.

— Аманде? — спросила женщина сквозь щель.

— Да. Я не хочу, чтобы с ней что-нибудь случилось. Пожалуйста, вы ведь знали моего отца. Может быть, вы хотя бы объясните, во что мы втянуты?

Женщина не отвечала. Потом медленно открыла дверь.

— Вы похожи и на неё, — сказала она, уже без прежней резкости.

— На маму?

— Когда просите о помощи и не отступаете. — Женщина вздохнула. — Меня зовут Кэролайн Уэст. Входите, пока соседи не решили, что мы с вами устроили пред-

ставление.

Лили переступила порог. Кэролайн заперла дверь на два замка и прислушалась к улице.

В доме пахло сухими книгами и лекарственными травами. В узкой гостиной стояли два кресла под выцветшими пледами, шкафы с книгами и карта Египта. Несколько мест были отмечены карандашом; от Вади-Хаммамат к востоку тянулась линия, которая обрывалась у края листа.

Кэролайн даже не предложила чаю. Она подошла к низкому шкафчику, достала тяжёлый альбом в потёртом кожаном переплёте и раскрыла его на середине.

— Смотрите.

На пожелтевшей странице под прозрачными уголками оставался пустой прямоугольник. Соседние фотографии изображали те же скалы и людей в

полевой одежде. На пустом месте сохранились четыре светлых уголка и тонкая полоса пыли.

Кэролайн приложила снимок, который принесла Лили, к странице. Он точно совпал с пустым местом.

— Несколько дней назад эта фотография ещё была

здесь, — прошептала Кэролайн. — Я сама перелистывала альбом. Никому его не показывала.

— Значит, кто-то заходил к вам домой?

— Или был здесь, пока меня не было. — Кэролайн

захлопнула альбом. — Не знаю, что страшнее.

Лили внимательно посмотрела на неё.

— Вы действительно были с моим отцом в Египте?

— Была. И много лет желала, чтобы меня туда никогда не приглашали.

Она села в кресло, но не предложила Лили сесть сразу. Взгляд её возвращался к запертой двери.

— Я не собиралась ничего рассказывать, — сказала Кэролайн. — Ни вам, ни кому-либо ещё.

— Что заставило вас передумать?

— Вы сказали, что угрожают Аманде. И мне не нравится, что кто-то принёс вам вещь из моего дома, будто приглашая нас обеих сыграть заранее написанные роли.

Она указала на соседнее кресло.

— Расскажите сначала, что именно вам угрожали сделать.

Лили коротко пересказала звонки, записки и проникновение в квартиру. Кэролайн слушала, не перебивая. Когда Лили закончила, пожилая женщина сжала пальцами подлокотник.

— Значит, это не случайное любопытство, — сказала она. — И вы уже зашли слишком далеко.

— Мой отец погиб в Египте?

Кэролайн посмотрела на неё с удивлением.

— Простите... Что именно рассказывала вам мать?

— Мама говорила, что он отправился в очередную экспедицию и не вернулся. Я была маленькой. Позже узнала, что официально его считали пропавшим без вести.

Кэролайн медленно покачала головой.

— Мы с Ричардом работали в Египте гораздо раньше.

Из той экспедиции он вернулся домой. Потом прошли годы: он жил с вами и Амандой, продолжал исследования.

— Это я помню, — тихо сказала Лили. — Но потом он исчез.

— Вот об этом исчезновении я и говорю. Незадолго до него мы виделись здесь, в городе. Ричард собирался встретиться с одним человеком и уверял, что никуда не уезжает.

— Значит, мама придумала последнюю экспедицию?

— Я этого не знаю. Может быть, он изменил планы. Но ни одного подтверждения той поездки я не видела. И что произошло после нашей встречи, мне неизвестно.

Лили смотрела на карту, не видя её линий.

Отец исчез, когда она была ребёнком. В памяти сохранились его руки на руле велосипеда, запах табака на пальто, смех в саду. И долгие годы она представляла, как где-то в далёкой пустыне его настигла беда. Теперь оказывалось, что трагедия могла случиться гораздо ближе — там, где никто не искал.

— Значит, мама солгала мне?

— Я не знаю, что было известно Аманде. Не стану обвинять её без доказательств.

— Но вы знали его. Вы были близки.

Кэролайн отвела глаза.

— Да.

Лили вспомнила разговор с Амандой: «Были женщины. Не одна».

— Вы любили его?

Кэролайн опустила взгляд на свои руки.

— Когда-то я так думала.

— А он?

— Ричард очень умел убеждать людей, что они для него единственные. И в научной работе, и в жизни.

Ответ прозвучал спокойнее, чем Лили ожидала. В нём не было ни гордости, ни попытки оправдаться. Только давняя усталость.

— Вы знали, что он женат?

— Да. Я не прошу вас меня понять.

Лили почувствовала внезапную злость. Перед ней сидела женщина, которая много лет назад была частью боли её матери. Но одновременно она была первым человеком, готовым рассказать об отце хоть что-то, кроме старых добрых историй.

— Я пришла не ради вашей исповеди, — сказала Лили.

— Мне нужна правда о том, что вы нашли.

Кэролайн подняла голову.

— В Вади-Хаммамат мы изучали древние маршруты и следы каменоломен. Ричард занимался историческими источниками, я — надписями. Однажды после обвала нам открылась полость в скале. За ней оказалось несколько по-

мещений. Не гробница, не храм. Что-то совсем иное.

— Что там было?

— Стены с надписями. Часть знаков напоминала известные системы письма, часть — ничего из того, что я изучала. Мы нашли металлические детали и предмет, который Ричард сразу назвал механизмом. Я считала, что это слишком смелое слово.

— Почему?

— Потому что он не был похож ни на одно устройство своего времени. Мы не могли даже уверенно сказать, какого оно времени. Было ощущение, что древние строители не создали его, а только укрыли.

Лили вспомнила рукописную пометку «Наше открытие».

— И что потом?

— Потом начались споры о том, кому принадлежит находка. Что следует сообщить властям, что можно изучать отдельно, кто получит доступ. Эдмунд Крейн, наш спонсор, вдруг начал вести себя так, словно экспедиция была его личной собственностью.

— Он тоже исчез много лет назад, — сказала Лили.

Кэролайн замерла.

— Откуда вы знаете?

— Мы с Ханной нашли старые газетные заметки.

Женщина некоторое время смотрела на дверь.

— Значит, вы добрались и до Крейна...

— А что в этом такого?

— Вам не следовало искать сведения об этом человеке.

— Почему? Кто он был на самом деле?

— Эдмунд Крейн умел находить людей, которые были ему нужны. И заставлять их делать то, чего они не хотели.

— Вы его боялись?

— Боялась, — тихо ответила Кэролайн. — И до сих пор боюсь того, что он оставил после себя.

Кэролайн не ответила. Она встала, открыла шкафчик и достала плоскую картонную папку, перевязанную ниткой.

— Я сохранила лишь несколько копий. Не оригиналы.

После возвращения часть отчётов исчезла из университетского фонда. Ричард говорил, что документы просто переместили. Я ему не поверила.

Внутри лежали пожелтевшие листы с рисунками и короткими пометками. Кэролайн выбрала один и протянула Лили.

На нём был знак: ромб, пересечённый несколькими тонкими линиями, будто кто-то пытался разделить камень на части.

— Я уже видела это, — произнесла Лили.

Кэролайн резко подняла голову.

— Где?

— Среди фотографий и бумаг отца. У Ханны есть копия одного документа с похожей отметкой.

— Где сами бумаги?

— Часть у мамы. Несколько снимков у меня.

Кэролайн медленно забрала лист и положила его в папку,

словно бумага могла обжечь ей пальцы.

— Не показывайте их посторонним.

— Но почему? Это всего лишь рисунок.

— Мне тоже так казалось.

— Что он означает?

— Мы не сумели прочесть все надписи. А после того, что произошло, я перестала пытаться.

Лили наклонилась вперёд.

— Что произошло, Кэролайн?

Та долго смотрела ей в лицо.

— Люди, которые раньше спорили об истории, вдруг начали спорить о цене. Потом один человек исчез. Затем другой. А те, кто оставался, стали молчать. Иногда за молчание платили. Иногда достаточно было одного предупреждения.

— Значит, вы знаете, кто угрожает мне?

— Если бы знала наверняка, я не сидела бы здесь и не ждала каждого звука на лестнице.

У Лили дрогнул голос:

— Мне угрожают уже несколько недель. Кто-то проник в квартиру. Моя мать боится говорить со мной. И вы хотите, чтобы я просто всё забыла?

— Нет, — сказала Кэролайн. — Я хочу, чтобы вы остались живы.

Тишина между ними стала густой. За окном дождь забарабанил по подоконнику.

— Почему вы всё-таки впустили меня? — спросила Лили после паузы. — Ведь сначала вы отказались даже разговаривать.

Кэролайн сняла со стола одну старую фотографию. На ней молодой Ричард стоял на фоне скал. По другую сторону от него виднелся Крейн, в светлой рубашке, неуместно чистой для полевого лагеря.

— Потому что однажды я уже поступила трусливо, — тихо ответила она. — И потому что, когда вы назвали имя Аманды, я поняла: молчание больше никого не защищает.

— Значит, вы всё-таки беспокоитесь о моей матери?

— Больше, чем вы можете представить.

— Но почему? Вы ведь когда-то были любовницей моего отца.

Кэролайн опустила глаза.

— Именно поэтому, Лили. Именно поэтому.

Лили посмотрела на женщину. В её словах слышалась давняя вина.

— Что вы знаете о моей матери?

Кэролайн сразу отвела глаза.

— То, что она заслуживала лучшего мужа. И что я не имею права рассказывать за неё остальное.

— Кэролайн...

— Пожалуйста. И ещё одно: если вы найдёте бумаги с этим знаком, не приносите их мне. Даже если вам покажется, что больше некому доверять.

Впервые за весь разговор женщина выглядела по-настоящему старой.

* * *

К вечеру Ханна всё-таки закончила материал для редактора и отправила его с таким облегчением, словно вручила кому-то непослушного ребёнка.

Она собиралась позвонить Лили, но сперва открыла ещё одну найденную в архиве карточку. Это была короткая заметка о продаже старой коллекции драгоценных камней частному собирателю. Фамилия покупателя не называлась. Зато в списке приглашённых на закрытый просмотр значилось имя Эдмунда Крейна.

Дата относилась к тому же периоду, когда исчез Ричард.

Ханна подчеркнула её дважды. Связи пока не было — только совпадение, которое могло ничего не значить. Но журналистский опыт учил её не выбрасывать случайности раньше времени.

Она нажала на имя Лили в контактах. Вызов остался без ответа.

— Ну конечно, — пробормотала Ханна. — Зачем человеку телефон, если на него можно не отвечать?

Она отправила сообщение: «Есть кое-что о доме твоей мамы. Ничего страшного, но хочу обсудить лично. Позвони, когда сможешь».

Через несколько минут подумала и добавила: «И поужинай. Это не просьба, а приказ от имени здравого смысла».

Ответа не было.

* * *

Дрю застал Аманду в саду.

Она стояла под яблоней в тёплом пальто, хотя дождь уже перестал, и пыталась привязать к ветке старую верёвку. Дрю не сразу понял зачем.

— Собираетесь заняться альпинизмом? — спросил он через ограду.

— Собираюсь спасти кормушку. Она отвалилась.

— Подозреваю, это птицы устроили забастовку из-за вашего пирога.

Аманда повернулась. В обычный день она обязательно ответила бы что-нибудь едкое. Сегодня лишь слабо улыбнулась.

Дрю открыл калитку и подошёл ближе.

— Давайте я помогу.

— Ты опять забудешь о собственной работе.

— Рабочий день закончился.

— Когда это тебя останавливало?

Он снял кормушку с ветки, проверил крепление и нашёл в сарае подходящий крючок. Аманда следила за ним, сжимая в кармане сложенный платок.

— Лили заходила? — спросила она наконец.

— Сегодня не видел. А что?

— Ничего. Хотела напомнить ей кое-что.

— Позвоните.

— Звонила.

Дрю спустился с невысокой стремянки.

— Вы поссорились?

— Нет, дорогой. Просто иногда дети вырастают и начинают задавать вопросы, на которые у родителей нет хороших ответов.

— Лили вас любит. Это ведь не изменится из-за разговора.

Аманда посмотрела на него так, будто хотела поверить.

— Ты хороший человек, Дрю.

Он смутился.

— Не говорите так, а то я начну брать с вас деньги за ремонт часов.

— Ты всё равно не возьмёшь.

Они оба улыбнулись, но улыбка Аманды быстро погасла.

— Дрю, помнишь, я просила тебя не отказывать Лили, если ей понадобится помощь?

— Конечно, помню.

— Ты тогда спросил, что происходит. А я так и не ответила.

— Можете ответить сейчас.

Аманда посмотрела в сторону дома.

— Боюсь, у моей дочери большие неприятности.

— Какие?

— Если бы я могла тебе рассказать...

— Аманда, вы меня пугаете.

Старушка слабо улыбнулась.

— Тогда, может быть, наконец перестанешь считать меня просто старой женщиной с испорченными часами.

— Такой я вас никогда не считал.

Она осторожно коснулась его руки.

— Я знаю, дорогой. Именно поэтому ты мне так дорог.

Дрю хотел расспросить её подробнее, но Аманда опустила взгляд, давая понять, что сейчас больше не скажет ни слова.

Дрю хотел спросить, что происходит, но не успел. Аманда выпрямилась, отступила на шаг и решительно объявила:

— Теперь пойдём пить чай. И даже не пытайся отказаться.

— А пирог будет?

— Если станешь плохо себя вести.

На этот раз он рассмеялся первым.

* * *

Лили вышла из дома Кэролайн, когда фонари окончательно победили дневной свет.

В голове теснились вопросы. Последняя поездка отца. Карта Вади-Хаммамат. Ромб на документах. Деньги, за которые люди начинали молчать. Кэролайн так и не сказала, где сейчас хранятся оригиналы отчётов и кто заставил её уйти из университета.

Но страшнее всего было другое: Лили впервые по-настоящему усомнилась в истории, которую мать рассказывала ей с детства.

Она не верила, что Аманда способна сознательно причинить кому-нибудь зло. Перед глазами стояли руки матери, пахнувшие яблоками и мылом, её старый голубой кардиган, её неуклюжие попытки скрыть слёзы. И всё же теперь Лили понимала: любовь не мешает человеку лгать. Иногда она становится причиной лжи.

У машины она заметила под стеклоочистителем сложенный листок.

Ветер приподнимал край бумаги. Лили оглянулась. Улица была почти пуста. В одном окне на втором этаже горел свет; где-то за забором лаяла собака.

Она развернула лист.

«Тебе дали последний шанс. Оставь прошлое в покое».

Всего несколько слов. Ни подписи, ни объяснения.

Лили почувствовала, как сердце ударило в грудь. Она подняла глаза и увидела на противоположной стороне улицы тёмную машину. Фары вспыхнули почти одновременно, словно водитель ждал, когда она прочтёт записку.

Автомобиль медленно тронулся.

Лили бросилась к своей машине, захлопнула дверь и провернула ключ в замке. Она не сразу смогла попасть пальцем по кнопке блокировки. Когда двигатель завёлся, тёмный автомобиль уже скрылся за поворотом.

Телефон лежал в сумке. На экране светились пропущенный вызов Ханны и два сообщения.

Лили прочла их и вдруг почувствовала почти детское же-

лание заплакать. Где-то в городе подруга ругалась с редактором, беспокоилась о её ужине и пыталась найти объяснение старым документам. Где-то мама ждала её звонка. И в то же время кто-то незнакомый считал вправе распоряжаться их жизнями.

Она набрала Ханну.

Гудок. Второй.

— Ну наконец-то! — ответила подруга. — Я уже собиралась писать заявление о похищении тебя здравым смыслом.

— Ханна, — произнесла Лили, и голос предательски дрогнул.

Подруга мгновенно перестала шутить.

— Что случилось?

Лили посмотрела в зеркало заднего вида. Позади никого не было.

— Я должна тебе кое-что рассказать. Но сначала скажи, ты сейчас одна?

* * *

Кэролайн стояла у окна гостиной, не зажигая света.

Она видела, как Лили прочитала записку, как стремительно села в автомобиль, как уехала с улицы, где пожилая женщина прожила последние годы почти не выходя из дома.

Тёмная машина исчезла раньше.

Кэролайн знала её. Не номер и не водителя — только привычку останавливаться так, чтобы оставаться видимой и в то

же время не дать себя рассмотреть. В молодости она смеялась над

подобными предосторожностями. Тогда ей казалось, что серьёзные люди изъясняются документами, а не намёками.

Она отошла от окна, закрыла шторы и открыла картонную папку. За копиями отчётов лежал маленький конверт, которого она не показала Лили. Внутри была старая фотография: Ричард и Эдмунд у входа в каменное помещение, а рядом — третий человек, чьё лицо оказалось обрезано краем снимка.

Кэролайн перевернула фотографию. На обороте рукой Ричарда было написано всего два слова:

«Не доверяй».

Кому именно — он не указал.

За многие годы Кэролайн так и не осмелилась выбросить этот снимок. Теперь она спрятала его обратно и опустилась в кресло.

— Они нашли её, — прошептала она.

Она прислушалась к тишине дома. Потом взяла телефон и долго смотрела на имя человека, которому не звонила много лет.

Палец завис над экраном.

На этот раз она всё-таки нажала вызов.

Конец седьмой главы.

Конец седьмой главы.

АСКАРОВА ВИКТОРИЯ

ПОСЛЕДНИЙ КАРАТ

Глава восьмая

ЧЁРНЫЙ КОНВЕРТ

Утром Аманда Беннет обнаружила на крыльце чужой зонт.

Зонт был чёрный, длинный, с рукоятью из гладкого дерева. Он стоял у двери так аккуратно, словно забывший его гость собирался вернуться через минуту. Но вчера к Аманде никто не приходил. Она хорошо помнила вечер: телефонный разговор, дождь, стук ветки в стекло и часы в гостиной, которые вдруг остановились ровно на одиннадцати.

— Что за манеры, — произнесла она, обращаясь к пустому

двору. — Прежде люди хотя бы звонили в дверь.

Она наклонилась, чтобы поднять зонт, и увидела за его рукоятью плоский чёрный конверт. Ни имени, ни адреса. Только маленький серебристый знак: ромб, заключённый в круг.

Аманда не сразу смогла выпрямиться.

За оградой проехал автобус. На другой стороне улицы соседская собака с отчаянным видом волокла хозяина к кустам. Всё вокруг было обыденным, почти смешным. Именно поэтому чёрный конверт казался ещё страшнее.

Она взяла его и закрыла дверь на оба замка.

На кухне пахло яблоками. Вчера Аманда собиралась испечь пирог, но так и не достала тесто из холодильника. Сегодня ей показалось, что это произошло в другой жизни.

Конверт лежал на столе. Она долго не касалась его, затем извлекла плотную карточку. На ней было отпечатано только несколько строк.

«БЕННЕТ, ЛИЛИ.

Объект должен быть передан живым.

Вознаграждение — по высшей категории.

Подтвердите согласие до полуночи».

Под строками стояла дата. Сегодняшняя.

Аманда перечитала карточку. Потом ещё раз. Слова оставались на своих местах, как ни хотелось ей стереть их взглядом.

— Нет, — сказала она.

И повторила, уже громче:

— Нет.

Она подошла к плите, повернула ручку, но не зажгла огонь. Руки дрожали так сильно, что пришлось опереться о столешницу.

За многие годы она привыкла к тому, что просьбы бывают разными. Одни произносят вслух, другие доверяют бумаге. Бывают просьбы, за которые стыдно даже платить. Но до сегодняшнего утра ей не приходилось видеть имя собственной дочери там, где прежде стояли чужие.

Аманда сложила карточку и убрала в карман кардигана.

Затем достала телефон.

* * *

Лили приехала к Ханне с опозданием на двадцать минут. Не потому, что передумала говорить. Она просто трижды объезжала один и тот же квартал, проверяя, не следует ли за ней тёмный автомобиль.

Подруга открыла дверь с чашкой в руке.

— Если ты собираешься сказать, что всё прекрасно, предупреждаю: у меня кончились силы верить в сказки.

— Всё ужасно, — ответила Лили.

— Вот. С этого и надо начинать.

Ханна пропустила её внутрь. На столе лежали газеты, блокнот и тарелка с двумя засохшими печеньями. Лили села, не снимая пальто.

— Вчера я была у Кэролайн Уэст.

Ханна поставила чашку так резко, что кофе выплеснулся на блюдце.

— Ты была где?

— У Кэролайн. По адресу из конверта.

— Которого ты мне не показала.

Лили кивнула.

Ханна открыла рот, закрыла и несколько секунд молчала. Для неё это было редким проявлением самообладания.

— Давай договоримся, — произнесла она наконец. — Я сейчас не буду кричать. Ты за это расскажешь абсолютно всё. Даже те подробности, от которых мне захочется закри-

чать снова.

Лили рассказала о фотографии, двери, которую Кэролайн сначала закрыла перед ней, о пустом месте в альбоме и старых записях из Египта. В какой-то момент подруга перестала делать пометки и просто слушала.

— Она утверждает, что фотография была у неё дома ещё несколько дней назад? — переспросила Ханна.

— Да.

— Значит, неизвестный не просто знает твоё имя. Он мог попасть к Кэролайн.

— Или ему помогли.

— Верно. И оба варианта мне не нравятся.

Лили достала из сумки смятый лист с предупреждением и положила рядом с фотографией.

— А это было под дворником моей машины, когда я вышла

от неё.

Ханна прочитала записку.

— Почему ты не вызвала полицию сразу?

— Я испугалась. Потом позвонила тебе.

— Это хорошо. А теперь мы пойдём туда вместе. Не обязательно сегодня и не обязательно к тому же участковому, который смотрел на надпись в твоей квартире. Но мы обязаны зафиксировать всё, что происходит.

Лили посмотрела на подругу.

— Ты злишься?

— Очень.

— На меня?

— В том числе. Но значительно больше на людей, которые решили, что имеют право тебя запугивать.

Ханна подвинула к ней чистую чашку.

— Чай. И попробуй хотя бы одно печенье. Оно твёрдое, зато точно никого не выдаст.

Лили улыбнулась. От этой неуместной шутки ей вдруг стало легче дышать.

— Есть ещё кое-что, — сказала Ханна. — Я проверила дом твоей мамы. Она купила его вскоре после исчезновения Ричарда. Без кредита. Сумма по тем временам немаленькая.

— Мама говорила, что ей достались деньги от отца.

— Возможно. Только в доступных документах я пока не нашла подтверждения наследству. Это ещё ничего не доказывает.

Лили задумалась.

— Она тогда была одна со мной. Может, кто-то помог.

— Может. Поэтому я и не стала звонить тебе вчера с обвинениями. Мне нужны факты, а не эффектная история.

Ханна перевернула страницу блокнота.

— И ещё: Кэролайн наверняка рассказала не всё. Люди не хранят десятилетиями чужие фотографии и записи о на-

ходке, если считают случившееся незначительной научной ссорой.

— Она боялась.

— Я заметила. Но страх не отменяет того, что она что-то скрывает.

Лили взяла фотографию. На ней молодой Ричард смотрел куда-то за край кадра. Она подумала, что в детстве задала бы ему только один вопрос: когда он вернётся домой? Теперь вопросов было так много, что ни один не казался главным.

* * *

Кэролайн Уэст провела утро возле телефона. Ночной звонок не принёс облегчения.

Мужчина ответил не сразу. Он не назвал своего имени, и Кэролайн тоже не произнесла его вслух. За долгие годы между ними установилось странное правило: чем меньше слов, тем безопаснее разговор.

— Ты обещала не обращаться ко мне, — сказал он.

— Я знаю.

— Тогда почему звонишь?

— У меня побывала дочь Ричарда.

Пауза затянулась. Кэролайн даже решила, что соединение оборвалось.

— Она нашла тебя сама?

— Ей прислали фотографию из моего альбома.

— Из твоего альбома?

— Её больше нет на странице. Я проверила.

— Ты говорила с девушкой?

— Да.

Мужчина выдохнул почти беззвучно.

— Тебе нельзя было открывать дверь.

— Она сказала, что ей угрожают. И её матери тоже.

— Тебе известно, кто?

— Нет. Именно поэтому я звоню.

Собеседник некоторое время молчал.

— Кэролайн, не бери ничего из старых бумаг и не передавай их никому. Особенно девушке. Если кто-то захотел свести вас вместе, значит, ему нужно было, чтобы вы заговорили.

— А если промолчать, они оставят её в покое?

— Я этого не говорил.

— Вот именно.

Он произнёс ещё одну фразу, слишком тихо, и попросил повторить, не хочет ли она переехать на время. Кэролайн отказалась.

— От прошлого нельзя переехать, — сказала она.

Теперь, после бессонной ночи, она стояла перед книжным шкафом и рассматривала тонкий зазор между двумя рядами книг. Там хранился не только альбом. В старой коробке из-под шахмат лежали листы, переписанные рукой Ричарда во время египетских исследований. На некоторых были схемы, на других — строки, которые Кэролайн когда-то пыталась прочесть.

Она не доставала коробку. Слишком хорошо помнила предупреждение.

Но ей впервые пришло в голову, что у человека, приславшего Лили фотографию, мог быть доступ не только к альбому.

Кэролайн опустилась в кресло.

— Что же ты натворил, Ричард? — спросила она у пустой комнаты.

* * *

К полудню Аманда уже шесть раз позвонила Лили. На седьмой звонок дочь ответила.

— Мама! Что случилось?

— Ничего, дорогая. Я просто хотела услышать твой голос.

— Ты говоришь так, будто прощаешься.

Аманда закрыла глаза.

— Не выдумывай. Я хотела узнать, придёшь ли ты сегодня на ужин.

— Сегодня я с Ханной. Мы собираемся в полицию.

— В полицию?

— Из-за угроз. Мы решили больше не делать вид, что ничего не происходит.

Аманда почувствовала внезапное облегчение, которое тут же сменилось тревогой. Полиция означала вопросы. Вопросы означали документы. А документы, если они попадут не к тем людям, могли стать новым оружием против дочери.

— Хорошо, — ответила она осторожно. — Пожалуйста,

только не ходи никуда одна.

— Мама, ты уже говорила.

— Тогда тем более послушайся.

Лили вздохнула.

— Мы с тобой всё равно должны поговорить об отце.

— Знаю.

— Правда знаешь?

— Да. Только не сегодня по телефону.

— Я люблю тебя, мам.

Аманда прижала ладонь ко рту. Лили не могла этого увидеть.

— И я тебя, девочка моя. Больше всего на свете.

После разговора старушка долго смотрела на чёрную карточку. Затем набрала номер, записанный в её старой адресной книге.

Ответили сразу.

— Подтверждение заказа? — спросил незнакомый голос.

— Отказ.

— Уточните, пожалуйста.

— Вы прекрасно слышали. Я отказываюсь.

— Условия предусматривают компенсацию за невыполнение.

— Назовите сумму.

— Дело не в сумме, миссис Беннет.

Аманда выпрямилась.

— Тогда передайте своему хозяину, что ему не удастся

купить мою дочь. Ни за какие деньги.

— Вы забываетесь.

— Нет. Впервые за много лет я ничего не забываю.

— Вы знаете порядок.

— Знаю. И больше не собираюсь ему подчиняться.

Она разъединила звонок. В доме было так тихо, что слышалось, как ветер шуршит сухими листьями под окном.

Впервые за долгое время Аманда подумала не о том, какие последствия повлечёт её отказ, а о том, как далеко она сама позволила зайти чужой жестокости.

* * *

Дрю Морган обнаружил Аманду в саду возле яблони. Она стояла с садовыми ножницами, но не срезала ни одной ветки.

— Если вы собираетесь бороться с деревом, советую сперва

договориться о правилах, — сказал он через калитку.

— Деревья, дорогой, хотя бы не лгут.

— Тогда мы с ними в неравных условиях.

Она слабо улыбнулась. Дрю поставил на ступеньку бумажный пакет.

— Принёс вам свежий хлеб. Тот, что вы любите. И сыр. Вы

вчера почти ничего не ели.

— Ты следишь за моим питанием?

— Кто-то же должен, пока вы ведёте войну с собственными

пирогами.

Аманда положила ножницы на скамью.

— Заходи. Чай будет готов через минуту.

Он заметил, как тяжело она поднимается на крыльцо, и впервые подумал, что старушка действительно стала старше за последние недели. Прежде её возраст был чем-то вроде цифры в паспорте: Аманда бегала по дому быстрее него, раздавала распоряжения и сражалась с любым механизмом, который отказывался показывать нужное ей время. Сейчас каждый шаг словно требовал решения.

На кухне Дрю вымыл две чашки, пока она ставила чайник.

— Вы сегодня разговаривали с Лили? — спросил он.

— Да.

— И как она?

— Напугана, хотя пытается говорить храбро.

— Вы можете мне рассказать, что происходит?

Аманда подняла на него глаза. Она помнила их недавний разговор в саду. Помнила, как он сказал, что не отвернётся от Лили. От повторной просьбы было бы мало пользы.

— Ты уже обещал мне помочь ей, — сказала она. — И я не хочу просить ещё раз. Но теперь мне придётся сказать кое-что, чего я раньше не говорила.

Дрю перестал вытирать чашку.

— Слушаю.

— Есть люди, которые могут попытаться причинить Лили зло. Не из-за неё самой. Из-за того, что она ищет.

— Кто они?

— Если бы я назвала имена, ты бы не поверил.

— Попробуйте.

Аманда посмотрела на его руки. Крепкие, с мелкими царапинами, привычные к тонкой работе. Она могла бы сказать ему гораздо больше. Но тогда перед ним пришлось бы открыть и собственное прошлое.

— Пока не могу, — произнесла она. — Прости.

Дрю сел напротив.

— Я не обещаю, что всё решу. Но могу отвезти вас к Лили. Или к врачу. Или хотя бы посидеть рядом, если вам страшно.

— Ты считаешь меня испуганной старухой?

— Нет. Я считаю вас человеком, который впервые за все годы нашего знакомства не пытается сделать вид, что всё под контролем.

Аманда отвела взгляд.

— Разумный мальчик, — прошептала она.

Ему было тридцать девять, и он собирался возразить, но передумал.

* * *

Вечером Артур Вейл закрыл дверь кабинета и убедился, что в коридоре никого нет. На столе стоял небольшой камень под прозрачным колпаком. Рядом лежала тонкая папка с именем Лили Беннет. На экране защищённого терминала появилось уведомление о соединении. Из динамика донёс-

ся голос, изменённый настолько сильно, что определить возраст или пол собеседника было невозможно.

— Отказ подтверждён, — произнёс Вейл.

— Мне известно.

— Аманда Беннет не согласится. Она говорит, что не продаст

дочь.

— Любопытная формулировка.

— Простите?

— «Не продаст». Значит, Аманда понимает суть предложения.

Речь не о работе. Речь о цене человека.

Вейл взглянул на папку. Он давно научился не задавать лишних вопросов, но сегодня не удержался.

— Вы ожидали другого ответа?

— Я ожидал неожиданности. И в некотором смысле её получил.

Вейл поправил лежащие рядом перчатки. Под колпаком сверкал камень, но свет лампы казался холоднее обычного.

— Люди любят говорить, что любовь бесценна, — продолжил

искажённый голос. — Повторяют это за ужином, на свадьбах, у детских кроваток. Почти никто не проверяет, верит ли собственным словам.

— И вы решили проверять?

— Меня интересует, где заканчиваются убеждения, когда

появляется сумма, способная изменить всю жизнь. Одни отступают сразу. Другие торгуются. Третьи не отступают вовсе.

— Последних мало.

— Но они существуют. Иначе наблюдать было бы не за чем.

Вейл помолчал.

— Речь идёт о живой женщине. Её мать отказалась. Мы можем

закрыть дело.

— Вы говорите так, будто решение Аманды завершает историю.

— Оно должно иметь значение.

— Имеет. Очень большое.

— Тогда что от меня требуется?

Пауза длилась достаточно долго, чтобы Вейл успел услышать тиканье настенных часов.

— Пока ничего. Нужно понять, что Аманда готова защищать,

когда одних слов будет недостаточно. Вейл впервые за вечер почувствовал, как привычное самообладание покидает его.

— Это опасно. Для всех нас.

— Опасность не превращает чужой выбор в благородный

поступок, Артур. На экране возникла ещё одна папка. Вейл успел заметить фотографию незнакомой молодой жен-

щины, прежде чем изображение исчезло.

— А следующий заказ?

— Не думайте о нём. Сначала закончите этот.

Соединение оборвалось. Вейл остался один перед погасшим экраном и неоткрытой папкой. Он так и не узнал, кто находился на другом конце линии.

* * *

После визита к врачу Аманда неожиданно свернула не к дому, а к небольшой нотариальной конторе возле городской библиотеки.

Она не собиралась оформлять ничего сегодня. Ей нужно было узнать, какие документы потребуются, если однажды придётся срочно распорядиться своим имуществом. Молодая сотрудница протянула список и спросила, есть ли у Аманды наследники.

— Дочь, — ответила Аманда.

— Тогда вам, возможно, стоит обсудить всё с ней заранее.

— Возможно, — сказала старушка.

Она убрала лист в сумку. Решения ещё не было. О завещании она думала как о далёкой необходимости, которая когда-нибудь коснётся её старого дома. Сейчас ей хотелось лишь одного: чтобы Лили прожила в нём ещё много счастливых лет и когда-нибудь сама решила, кому повесить на яблоню детские качели.

По дороге домой Аманда зашла в магазин и купила две плитки шоколада. Лили любила тот, что с орехами, хотя вся-

кий раз утверждала, будто ей нельзя столько сладкого.

— Возьму три, — неожиданно сказала Аманда продавцу.

Третью она оставила для Дрю.

* * *

На следующий день Лили пришла в художественную студию раньше всех. Она открыла окна, расставила стаканы для кистей и долго выбирала бумагу для занятия.

Её ученики должны были рисовать дома, в которых им хотелось бы жить. Лили придумала эту тему за неделю до

угроз. Теперь она смотрела на чистые листы и думала, сколько может значить дом, даже когда человек перестаёт чувствовать себя в безопасности.

Первым появился Томас — мальчик с серьёзным лицом, который вечно рисовал крылья всему на свете.

— А можно нарисовать дом, который летает? — спросил он.

— Можно.

— И чтобы в нём жила мама?

— Конечно.

— Тогда он будет прилетать туда, где я.

Лили улыбнулась и помогла ему закрепить бумагу. Ей захотелось немедленно позвонить Аманде. Но дети уже входили в класс, спорили о красках, роняли карандаши. Обычная жизнь требовала внимания, и это было спасительно.

После занятия она всё-таки достала телефон. От матери пришло сообщение: «Не забудь поесть. И не спорь с Ханной.

Она иногда бывает права». Следом — фотография трёх плиток шоколада на кухонном столе.

Лили рассмеялась вслух.

«Мам, мне тридцать два, а не восемь», — написала она.

«Тем более. В восемь ты была послушнее», — ответила Аманда.

Лили долго смотрела на экран. Ей казалось, что мать пытается сказать что-то ещё, но не знает как.

* * *

Вечером Аманда снова нашла у двери чёрный зонт.

На этот раз он был сложен. Рядом с рукоятью лежал пустой конверт без печати. Внутри находилась единственная карточка.

«Отказ принят к сведению.

Решение не отменяет обязательств».

Аманда не стала оглядываться. Не стала искать наблюдателей на противоположной стороне улицы. Она подняла зонт, конверт и вошла в дом, закрыв за собой дверь.

В гостиной часы с кукушкой неожиданно пробили шесть, хотя было почти девять. Обычно Аманда поспорила бы с ними и попыталась перевести стрелки. Сегодня она прошла мимо.

Она положила обе карточки рядом, придвинула стул к столу и достала старый блокнот, в котором десятилетиями записывала сведения о людях, предпочитавших оставаться безымянными.

Аманда открыла его на первой пустой странице.

«Лили», — написала она.

Потом остановилась. Зачеркнула слово и ниже вывела другое:

«Защитить».

За окном зашелестела яблоня. Аманда подняла голову и посмотрела на чёрное отражение своей кухни в стекле.

— Вы не получите её, — сказала она тихо.

На этот раз слова предназначались не для собственного успокоения.

Они были обещанием.

АСКАРОВА ВИКТОРИЯ
ПОСЛЕДНИЙ КАРАТ

Глава девятая

ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Аманда Беннет никогда не выбрасывала зонты. Даже те, у которых вывернуло спицы, даже те, что раскрывались только после уговоров. Дрю шутил, что однажды она соберёт из них крышу для своего дома.

Но два чёрных зонта, оставленных неизвестными на крыльце, она не хотела хранить ни минуты.

Они стояли возле задней двери, прислонённые к стене сарая. Аманда смотрела на них из кухни, пока закипал чайник. Вечером она перенесла их туда сама, стараясь не касаться деревянных рукоятей голыми пальцами. Зачем — объяснить не могла. Страх часто заставляет человека соблюдать правила, которые сам он назвал бы бессмысленными.

На столе лежали две карточки. Первая требовала передать Лили живой. Вторая сообщала, что отказ не отменяет обязательств.

Аманда убрала их в жестяную коробку из-под печенья и защёлкнула крышку. В соседнем ящике хранился блокнот с именами людей, которых уже не было. Его страницы она перелистывала так редко, что бумага успела приобрести запах старой пыли. Последнее имя в списке было записано

несколько лет назад.

Она долго держала раскрытый блокнот перед собой.

— Какая же ты была дура, Аманда, — сказала она наконец.

Часы на буфете ответили одним глухим ударом, хотя стрелки показывали половину восьмого.

Аманда закрыла блокнот. Сейчас ей требовалось не сожаление, а план.

Она взяла телефон и набрала Лили.

— Мам, я на занятии, — отозвалась дочь шёпотом. На заднем плане кто-то настойчиво требовал зелёную краску.

— Дорогая, ты сегодня ночуешь дома?

— У себя, конечно. А где ещё?

— Можешь приехать ко мне? Я приготовлю ужин.

— Ты ведь только вчера звала меня.

— А сегодня у меня снова появилось желание тебя накормить. Ужасное свойство материнства.

Лили рассмеялась, но Аманда слишком хорошо слышала, как дочь устала.

— Хорошо. Только позже. У нас с Ханной встреча.

— Где?

— Мама!

— Я просто спрашиваю.

— В редакции. Потом она отвезёт меня домой.

Аманда едва заметно выдохнула.

— Позвони, когда выйдешь.

— Обязательно. И перестань волноваться.

Мать посмотрела на две чёрные тени за кухонным окном.

— Постараюсь, девочка моя.

Ханна Миллер считала, что у полицейских участков и газетных редакций есть одна общая черта: в обоих местах люди искренне верят, что стопка бумаг способна заменить разговор.

Они с Лили сидели напротив усталого следователя, у которого на столе стоял пластмассовый кактус. Настоящий, по мнению Ханны, не пережил бы здешней атмосферы.

— Итак, — сказал следователь, — повторим по порядку.

Сначала звонки, затем записка в студии, проникновение в квартиру, потом фотография с приглашением и последнее предупреждение на автомобиле?

— Да, — ответила Лили.

— Почему вы не пришли сразу после первой угрозы?

— Я приходила после проникновения в квартиру, — возразила она. — Мне сказали, что следов взлома нет.

— Обращение зарегистрировано. Я спрашиваю о новых эпизодах.

Ханна положила перед ним аккуратно пронумерованные копии.

— Поэтому мы здесь. Вот даты, фотографии, номера входящих вызовов и оригинал записки под стеклоочистителем. Ничего не выброшено.

Следователь поднял глаза.

— Вы журналистка?

— К сожалению для некоторых собеседников.

— Тогда вы понимаете, что предположение о связи угроз с исчезновением отца вашей подруги — пока только предположение.

— Понимаю, — ответила Ханна. — Поэтому мы и просим проверить, а не написать об этом роман.

Лили слегка толкнула её локтем.

Следователь встал, чтобы снять копии с документов. Когда дверь закрылась, Лили опустила плечи.

— Он нам не верит.

— Он пока не знает, чему верить. Это разные вещи.

— Ты всегда так говоришь, когда пытаешься меня успокоить?

— Нет. Иногда я предлагаю мороженое. Но сейчас девять утра, и я хочу выглядеть взрослой.

Лили провела пальцем по краю своей сумки.

— Если всё это действительно из-за папы... Почему именно

сейчас? Столько лет никто не искал меня. Не присылал фотографий. Не звонил.

Ханна задумалась.

— Возможно, ты нашла то, что раньше оставалось незамеченным.

— Папку в мамином доме?

— Или человека, который не хотел, чтобы его находили.

— Кэролайн?

— Не обязательно. Но после вашей встречи кто-то снова предупредил тебя. Мне не нравится эта последовательность.

Лили вспомнила, как Кэролайн у двери обвиняла её в краже фотографии. В этом испуге было что-то настоящее, неподдельное.

— Она не выглядела человеком, который заманивает меня в ловушку.

— Я верю. Но кто-то знал, что у неё в альбоме лежит нужный снимок. И знал, где ты живёшь.

Когда следователь вернулся, Ханна уже открыла блокнот на новой странице.

— Ещё один вопрос, — сказала она. — Вы можете проверить, кто пользовался автомобилем, стоявшим возле дома Уэст? Номера мы не записали, но Лили помнит модель и цвет.

— Мы проверим возможные записи с камер, — ответил он.

— Гарантий нет.

— Я и не прошу гарантий, — сказала Лили. — Только чтобы кто-нибудь наконец поверил, что мне страшно.

Следователь посмотрел на неё гораздо внимательнее.

— Это я понял, мисс Беннет.

Впервые за утро она почувствовала, что говорит не с фор-

муляром, а с человеком.

В мастерской Дрю Моргана сломалась лампа над рабочим столом. Не целиком: она продолжала светить, но при каждом движении его локтя начинала мигать, будто выражала несогласие с происходящим.

Дрю постучал по абажуру. Свет погас.

— Великолепно, — сказал он.

— Ты только что проиграл спор предмету мебели? — спросила Молли от двери.

Она держала бумажный пакет с двумя булочками и стакан кофе.

— Это не предмет мебели. Это старый враг.

— Тогда поздравляю. Теперь он тебя победил.

Молли прошла к прилавку. Дрю поймал себя на том, что уже ждёт её визитов, хотя они ещё не договорились, можно ли считать такие визиты привычкой.

— Ты сегодня рано, — сказал он.

— Я решила посмотреть, не забыл ли ты обедать. И, кажется, вовремя: здесь уже началась борьба за электричество.

Он помог ей снять пальто. На мгновение его руки задержались на её плечах. Молли обернулась.

— Что?

— Ничего. Просто рад тебя видеть.

— Запомню. Пригодится, когда ты снова просидишь здесь до полуночи.

Они устроились у маленького стола за витриной. За стеклом шли прохожие, не подозревая, что самые важные разговоры иногда происходят между остывающим кофе и плохо работающей лампой.

— Ты всё время думаешь о соседке? — спросила Молли.

Дрю перестал разворачивать булочку.

— Об Аманде?

— А о ком ещё? Ты вчера сказал, что она стала какой-то другой.

— Она боится. Я ни разу не видел, чтобы она боялась по-настоящему.

— Из-за Лили?

— Кажется, да. Но больше ничего не объясняет.

Молли помолчала.

— Ты можешь помочь им, не беря на себя ответственность за всё на свете.

— Я знаю.

— Нет, Дрю. Иногда мне кажется, что ты этого не знаешь.

Он поднял глаза. Раньше подобные слова вызвали бы раздражение. Молли не раз говорила ему, что он умеет так глубоко уходить в работу и чужие просьбы, что рядом с ним можно чувствовать себя одинокой.

— Я стараюсь измениться, — сказал он.

— Вижу. Именно поэтому я здесь.

Она улыбнулась. Он хотел ответить, но с улицы донёсся резкий гудок, и оба невольно посмотрели в окно.

Напротив мастерской остановился тёмный фургон. Водитель долго не выходил. Затем машина тронулась и исчезла за перекрёстком.

— Знакомые? — спросила Молли.

— Нет.

Дрю отвернулся первым. Он не собирался придавать значение каждому автомобилю в городе. Но мысль об Аманде вернулась.

— После работы зайду к ней, — сказал он.

— Только не забудь потом позвонить мне.

— Обещаю.

Молли протянула ему вторую булочку.

— Вот это уже звучит как настоящий подвиг.

Кэролайн Уэст достала из шкафа шахматную коробку, когда улица за окнами опустела.

Когда-то Ричард уверял, что умеет играть в шахматы. На деле он не умел проигрывать. Кэролайн вспомнила, как однажды он смахнул короля с доски и объявил, будто настоящая победа зависит от того, кто первым поймёт правила. Тогда это казалось ей остроумием. Теперь — предупреждением, которого она не услышала.

В коробке лежали копии экспедиционных листов, несколько пожелтевших фотографий и маленькая тетрадь в тёмно-коричневой обложке. На её корешке не было имени.

Кэролайн не раскрывала тетрадь много лет. Она знала первые страницы почти наизусть: погода, маршруты, споры о

происхождении надписей. Потом почерк Ричарда становился всё мельче, а заметки всё более отрывочными.

Она осторожно раскрыла её на середине.

«Поверхность предмета не соответствует окружающей породе. Надписи нанесены позднее основания корпуса. К. считает, что устройство было здесь до строителей комплекса. Крейн требует прекратить официальную переписку».

Ни слова о том, для чего предмет предназначался.

На следующей странице Ричард нарисовал вытянутый прямоугольник с округлыми краями. Рядом — ряд знаков, похожих на египетские иероглифы, но расположенных в непривычном порядке.

Кэролайн коснулась рисунка кончиком пальца. Её охватило старое, почти физическое чувство стыда.

Она была там. Видела, как люди выносили из горы находку, которую следовало передать на исследование. Видела ящики без маркировки, погруженные ночью. И не сказала ничего, потому что Ричард пообещал: ещё немного, и они уедут вместе.

Он не уехал.

Зато из университета исчезли отчёты, а вскоре исчез и он сам — гораздо позже экспедиции и совсем не там, где привыкли искать его след.

Зазвонил телефон.

Кэролайн захлопнула тетрадь.

Номер не определился. Она подождала несколько гудков

и всё-таки ответила.

— Слушаю.

В трубке слышалось дыхание. Затем короткий щелчок и тишина.

— Если вам что-то нужно, говорите, — произнесла она.

Связь оборвалась.

Кэролайн поставила телефон на стол. Она знала, что молчание тоже может быть сообщением. Но на этот раз не собиралась оставаться его послушной адресаткой.

Она взяла чистый лист и записала имя Ханны Миллер — единственного человека, с которым Лили могла разделить опасные сведения.

А потом впервые за много лет приготовила конверт, который собиралась отправить по собственной воле.

Лили приехала к матери под вечер.

Аманда встретила её в прихожей и сразу обняла, не дав снять шарф. Объятие было таким крепким, что Лили рассмеялась.

— Мам, ты меня задушишь.

— Глупости. В твоём возрасте ты ещё должна выдерживать материнские объятия.

— В моём возрасте мне уже положено жаловаться на спину.

— Тогда не сутулься.

В доме пахло тушёными овощами и яблоками. На сто-

ле стояли две тарелки, а рядом лежал маленький бумажный пакет с шоколадом. Лили заметила его и почувствовала, как неприятная тяжесть, сопровождавшая её последние дни, слегка отступила.

— Ты правда купила мой любимый?

— И даже не съела по дороге. Можешь считать это доказательством самоконтроля.

За ужином они говорили о детях в студии. Лили рассказала о Томасе, нарисовавшем летающий дом, который всегда будет находить дорогу к маме.

Аманда отложила вилку.

— Умный мальчик.

— Ему восемь, — сказала Лили. — В восемь лет мир ещё кажется довольно простым.

— Иногда взрослые только делают вид, будто всё сложнее.

Лили улыбнулась, но скоро стала серьёзной.

— Мам, мы сегодня снова были в полиции.

— Я знаю. Ты говорила.

— Теперь обращение приняли подробнее. Ханна настояла,

чтобы записали все эпизоды.

— Хорошо.

— Ты правда так думаешь?

— Да, дорогая.

Лили долго смотрела на мать.

— Тогда почему ты всё равно выглядишь так, словно я

сделала что-то ужасное?

Аманда поставила чашку.

— Потому что иногда даже правильные поступки не делают опасность меньше сразу.

— Ты знаешь, кто меня преследует?

— Я знаю, что ты не должна встречаться с незнакомыми людьми одна.

— Но с Кэролайн я уже встретилась.

Аманда застыла.

Несколько секунд было слышно только, как часы на стене торопливо отсчитывают неправильные минуты.

— Ты была у Кэролайн Уэст?

— Да.

— Лили...

— Я знаю, что должна была рассказать. Прости. Но кто-то прислал мне фотографию папы и её адрес. Оказалось, снимок украли из её собственного альбома.

Аманда медленно опустилась на стул.

— Украли?

— Она сама не знает как. По крайней мере, так сказала.

— И о чём вы говорили?

Лили провела ладонью по столу.

— Об Египте. О папе. О том, что он вернулся из той

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.